Александр Шапочкин
Алексей Широков

Попаданец 2.0

Алексей Викторович Широков
Александр Шапочкин
Попаданец 2.0

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22456736
Алексей Широков, Александр Шапочкин Попаданец 2.0: Издательский дом «Ленинград»; М; 2017
ISBN 978-5-17-100733-1

Аннотация

Ты был сержантом морской пехоты – и попал в иной мир. Казалось бы, программа минимум истинного попаданца выполнена. Однако почему у тебя возникает всё больше и больше вопросов. Кто и когда вложил тебе в голову знание местного языка? Почему твой родной дед настаивал на обязательном посещении секции исторического фехтования и зачем ему был нужен настоящий замок в подмосковных лесах, отданный потом под полигон реконструкторов? И главное, отчего, услышав твою фамилию, местные зовут тебя Чёрным Герцогом?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	18
Интерлюдия 1	42
Глава 2	60
Интерлюдия 2	85
Глава 3	117
Глава 4	133
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Алексей Широков, Александр Шапочкин
Попаданец 2.0

Серия «Попаданец»
Выпуск 11

© Алексей Широков, 2017
© Александр Шапочкин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог
Сирия

Задержав дыхание, я плавно нажал на спусковой крючок. ВАЛ тихонько кашлянул, и спустя полсекунды очередной бородатый Али споткнулся и, не издав ни звука, уткнулся носом в каменистую землю. Больше в моём секторе патрульных абреков не наблюдалось.

Мимо, пригибаясь, словно тень пронесся Вадик, аккуратно вкатившись в заросли, подцепил мёртвую тушку бородача за ногу. Тело боевика быстро поглотили кусты. Ещё через несколько мгновений напарник возник возле меня и, растянувшись рядом на чахлой сирийской траве, показал мне несколько условных жестов.

Ну да, я знаю, что немного затянул с выстрелом. Но обряженного в бело-бежевые одежды араба всё равно пришлось бы прятать вручную.

Несмотря на отсутствие целей, я продолжал всматриваться в зелёнку через оптику, медленно водя прицелом по чахлым дубам, раскидистым магнолиям и давно отцветшим олеандрам, контролируя левым глазом всё пространство сектора. Сейчас в этих землях нельзя быть уверенным ни в чём. Из-за ближайшего куста, который, казалось бы, просматривается насквозь, вполне мог выпрыгнуть озверевший Саид,

призывая свою «Аллу в бар», вооружённый затёртым до потери воронения «калашниковым» или, наоборот, новенькой M-16 или FN-FAL.

Ведь совсем недавно ещё одна группа «умеренной оппозиции», вооружённая и обученная нашими заклятыми друзьями, переметнулась на сторону ИГИЛ – террористической организации, запрещённой на территории РФ, а здесь на крови и страхе упорно возводящей свой Халифат.

Так что теперь у них есть новейший транспорт и вооружение, включая ПЗРК и прочую высокоточную лабуду, по мнению наших западных партнёров бывшую жизненно необходимой для этих «moderate rebels». Конечно, опасны все эти игрушки в основном для устаревшего вооружения армии Сирийской Арабской Республики.

Наши же птички летают слишком высоко, чтобы бородачи могли им что-либо противопоставить. После того как несколько лет назад турки сбили наш Су-24, и озверевшая толпа боевиков устроила расправу над пилотом, руководство операции перестало миндальничать с «партнёрами», упорно оказывающими помощь Халифату. В результате, когда пару месяцев назад турецкие ВВС попытались повторить фокус и очередной раз куснуть русского медведя за пятку, четыре османских F-16 остались коптить небо Сирии, а президент Соединённых Штатов Америки предпочёл проигнорировать происшествие, несмотря на визгливые вопли турецкого коллеги Эрдогана и тихий скулёж подпевал с другой стороны

Чёрного моря. Правильно. У них в Америке новый кабинет, и между нами очередная «перезагрузка» отношений с взаимными реверансами по ничего не значащим вопросам.

Так что любые попытки атаковать наши самолёты немедленно жестоко наказывались, ведь наши оппоненты в этой войне понимали только язык силы. Командование контингента РФ в Сирии реагировало даже на попытки относительно безобидных запусков ракет из РЗК, не способных поражать высотные цели. В ответ на каждый прилетали «грачи» и перепахивали местность, создавая новый ландшафт, чем-то похожий на лунный. Западные СМИ трубили о сотнях погибших женщин и детей, эксперты вещали про неминуемый крах России в Сирии, и всё возвращалось на круги своя.

Вот для кого «стингеры» бородачей представляли значительную угрозу, так это для самих сирийцев, летающих в основном на стареньких советских Су-22 и МиГ-25 и 29. И когда очередной союзный летун нуждался в помощи, на сцене появлялись мы.

Мы – это поисково-спасательная группа морской пехоты ВМФ РФ, расквартированная в военном городке, выросшем при базе «Хмеймим». Сейчас наш отряд находился на северо-западе от города Дараа, вблизи от оккупированных Израилем Голанских высот. В гористой местности, ещё год назад бывшей границей Сирийской Арабской Республики и Королевства Иордания. Ныне, после дестабилизации саудитами соседней монархии, настоящей чёрной зоне, в которой скап-

ливаются планомерно выдавливаемые из Сирии террористы всех мастей.

Наша задача – вытащить сирийского пилота, которому не повезло быть сбитым на приграничной полосе в местности, до сих пор контролируемой разномастными боевиками. Почему именно русские морпехи, а не армия САР? Обычно я не задавался подобными вопросами. Приказы существуют, чтобы их выполнять, а не обсуждать. Вполне возможно, что на момент принятия это был простой политический шаг, но сейчас подобную операцию в этом регионе могли провернуть только чёрные береты. Ведь девиз российской морской пехоты: «Там, где мы, там – победа!»

Подойти на вертушках к самой границе и эффектно спуститься с небесной конницы нам не позволил не только рельеф и засилье бородачей, но и опасения получить в брюхо очередь из ЗСУ-23-4 «Шилка», которые Королевству поставлял ещё СССР, и нынешняя принадлежность которых, после потери иорданской армией приграничных складов, вызывала опасения. Но даже без этого поросшие зелёнкой горы, предгорья и долины рек по ту и по эту стороны бывшей границы кишели боевиками, встречавшими транспортные вертолёты залпами из всех доступных им орудий.

Так что командование пошло на небольшую хитрость. В то время как мы уже ведём найденного по маячку пилота пешком к удалённой точке эвакуации, злобные «крокодилы», которых боевики боятся, как чёрт ладана, обрабатыва-

ют отряды террористов, оперативно подтянувшиеся к месту приземления летуна.

Двигаться нам здесь приходится предельно осторожно, постоянно таясь и проверяя местность. Из-за показной активности вертушек, максимум на какую поддержку с воздуха мы могли рассчитывать – малые личные разведывательные дроны, управляющиеся с системы, интегрированной в «Ратник». Но запускали их довольно редко, ведь время полёта было ограничено, а боевики отличались отменным зрением. К тому же действовали мы в максимальной изоляции. Приходилось соблюдать режим радиомолчания, минимизируя вероятность обнаружения группы.

– Чудо, ты как? Чуешь чего? – раздался тихий шёпот из-за спины.

«Чудо» – это я, сержант Игорь Данилович Нечаев. Этим двусмысленным позывным я был обязан лично начальнику Береговых войск Черноморского флота. В те дни я как раз пошёл на сверхсрочную. К тому же в пику заносчивому отчиму подписал трёхлетний контракт. Не сказать, чтобы мама обрадовалась моему самовольству, так что, когда я подал заявление на перевод в Сирию, то предпочёл вообще не извещать родных. Даже деда. А во время обязательной аттестации генерал-лейтенант лично подошёл ко мне, посмотрел скептически и заявил: «Значит, это ты у нас и есть тот самый “феномен”. Опасность чуешь, от выстрелов уворачиваешься. М-да… такое “чудо в перьях” может пригодиться».

Ну и народная молва тут же обозвала меня «Феноменом», «Чудом» и «Йогуртом». Но если за первое и третье я мог и в морду дать, благо природа меня здоровьем не обделила, то от двусмысленного «Чуда» отвертеться уже не удалось. Равно как и от неофициальной должности «Чующего пятой точкой всяческие неприятности», на что командир только смеялся и говорил, что в каждом отряде должен быть подобный боец.

Нельзя сказать, что данная способность срабатывала у меня безупречно, но несколько раз помогала и мне, и ребятам остаться целыми и невредимыми. Вот и сейчас Батя в первую очередь интересовался, не ощущаю ли я чего-нибудь эдакого.

– Тихо пока, – я отрицательно помотал головой. – Но что-то на душе неспокойно. Кошки скребут. Денисыч, нам бы ускориться…

Командир молча хлопнул меня по плечу. Ускориться он и сам был бы не против, но пока что было чревато. Кроме того, нас тормозила ещё одна очень веская причина. Я быстро оглянулся на пилота.

Отважный мужик, летавший на устаревшей как минимум лет на сорок технике и при этом успешно выполнявший свои боевые задачи. Но вот сегодня ему не повезло. Сириец сидел в тени кустов акации, вытянув ноги, и блаженно щурился на родное солнце. При приземлении в долину одной из рек парень серьезно повредил щиколотку, но, несмотря на травму, он старался не тормозить наше продвижение.

– Подъём, – скомандовал Батя спустя минут пять. – Двинули дальше. Кот, Ус, помогайте камраду, Лом – вперёд.

Пока остальной десяток строился, Толян и Лёха подхватили пилота под руки, а Петро скользнул вперёд, разведывая путь. Несмотря на то что был он очень худым и высоким, за что получил свой позывной, двигался он сквозь зелёнку практически бесшумно. Лучшего ведущего для головного дозора трудно было себе представить. Этот человек словно бы имел с природой некое сродство. И не подумаешь, что на гражданке, ещё до призыва Пётр Висельников был программистом-любителем, а все свои навыки приобрёл во время игр в страйкбол.

Ребята двинулись вперёд, и я, проклиная жгучее средиземноморское солнце, занял своё место в колонне. Жара стояла жуткая, непривычная для меня, жителя средней полосы России. Даже в Крыму я чувствовал себя немного неуютно, что уж тут говорить о климате этих мест. Впрочем, я благоразумно не распространялся на эту тему, искренне считая, что при необходимости человек может привыкнуть ко всему. Вот и теперь я, хоть и мысленно слал гневные филиппики светилу, стоически вышагивал за Батей, буравя глазами окрестные пейзажи.

Двигаясь в центре группы и глядя на эту древнюю, опалённую тысячелетиями войн землю, я ощущал какое-то непонятное восторженное и в то же время грустное чувство. Будто сама история проходила через меня: крестоносцы, сара-

цины, «Львиное сердце» и Саллах-ад Дин. Все те, кто резали друг друга за эту землю, будто шли в ногу со мной, жалуясь на нерадивых потомков, забывших своих предков, предавших себя в погоне за длинным долларом.

Мотнув головой, я отогнал посторонние мысли. Нет, это не были первые признаки шизофрении или перегрева организма. Просто в голову опять лезла всякая мистическая хрень, преследующая меня с самого детства. Конечно, я уже привык так жить. Хотя другие мои странные способности, типа мгновенного ускорения, пусть и раздражали, но им легко было найти применение.

Иногда они даже оказывались полезны. Помню, как на тренировке по историческому фехтованию, которые я посещал ещё со средней школы, у одного из парней во время работы по балде сорвался молот. Именно необыкновенное чутьё на опасности и «ускорение» спасло меня тогда как минимум от тяжёлой черепно-мозговой травмы.

Но когда со мной начинала разговаривать сама земля, становилось немного не по себе. А порой пробирало морозом по коже, когда я проходил мимо места, на котором погиб человек. Да и на кладбищах я появлялся только в тех случаях, когда отвертеться было нереально.

– Боевики. Группа десятка полтора, движутся параллельно нам. Впереди край плотной зелёнки. Столкнёмся однозначно, – быстрым шёпотом доложил Петро по рации.

– Принял. Ждём, – шепнул Батя. – Отпустим подальше и

пойдём следом. По одиночным целям работать без приказа. Но смотреть в оба. Если засечёт основная группа, действуем по стандартной схеме, – и уже обращаясь к пилоту, добавил: – Ибрагим, начнут стрелять – прячься.

Тот понимающе кивнул. Логично, блин. Это на нас «ратники», а мужик в стареньком лётном комбезе ещё советского производства и лёгком броннике иранского образца.

В этом было нечто сюрреалистическое, слышать, как буквально в паре десятков метров от тебя проходят беззаботные враги, громко переговариваясь на своём гортанном наречии. Терпеть, выдёргивая в прорехах листвы то одну случайную цель, то другую, и ждать, что в любую секунду придётся открыть огонь. Стрелять на звук, практически не видя противника.

Но голоса стихали и, наконец, растворились в шуршании деревьев, трав и кустарников. Уже через пару десятков минут мы опять шли по козьим тропам, с каждым шагом приближаясь к месту эвакуации. Однако духи гор решили, что крови им на сегодня мало.

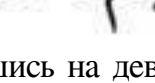
Началось всё внезапно. Лом с Котом буквально лицом к лицу столкнулись с сидящими прямо на тропе и смачно жрущими сыр бородачами. Кусты и камни скрывали их до последнего, а привычного шума они не производили. Гады, похоже, ховались в зелёнке скорее от своих же приятелей, чем от нас, втихаря нарушая законы шариата с бутылкой чего-то алкогольного.

Ребята не сплоховали – мгновенно среагировав, отправили выпивох на суд божий. Те умерли, даже не успев заорать, а затем произошло то, что можно было назвать исключительно досадной случайностью. Падая, один из уже бывших боевиков умудрился зацепить чем-то спусковой крючок своего видавшего виды «калаша», как назло не стоящего на предохранителе.

Звонкая очередь разнеслась по всем окрестным горам. Пусть всё происходило всего-то пару секунд, прозвучало это словно рожок загонщика: «Ату их. Они здесь!»

Всё бесшумное оружие, наша маскировка и профессионализм спасовали перед безалаберностью полудикого джихадиста.

Словно предвестник неприятностей, из ближайших кустов выскочил ещё один персонаж в чалме и халате.

–  ! – заорал он, выкидывая автомат, но, нарвавшись на девятимиллиметровую пулю, выпущенную из ВСС, свалился назад.

– Ходу! Быстро, быстро! Валим всех, кого встретим, – Батя не собирался пасовать перед непредвиденными сложностями.

Группа, собравшись в ударный кулак, рванула в сторону низких гор, где, если верить выданным нам картам, располагался узкий перевал. Но туда уже спешили привлечённые вы-

стрелами исламисты. Вереща в кустах, как зайцы, они словно зацикленные кричали на разные дурные голоса свою коронную и, похоже, единственную фразу. А мы, уже не скрываясь и отказываясь принимать заведомо проигрышный бой, бежали вверх по склону, виляя между чахлыми стволами.

Воздух взорвался стрекотом автоматов. Заставляя залечь, начать отстреливаться, делать то, что, собственно, и хотели от нас террористы. Но Батя – Денисыч, наш командир, гнал бойцов вперёд, собственным телом прикрывая резко спавшего с лица пилота. Тот, кривясь от каждого шага на больную ногу, старался как мог, болтаясь между огромными, по сравнению с ним, Усом и Котом.

На наше счастье боевики просто пёрли на нас, даже не думая применять какую-либо тактику и, похоже, не считаясь с потерями. Та группа, что мы пропустили ранее, так и вовсе полегла в полном составе под градом пуль наших бесшумных автоматов, не успев сделать ни единого выстрела. Словно бараны, они ломились вниз по тропе, даже не подумав организовать засаду. Бандиты, давно уже обосновавшиеся в этой местности, привыкли действовать нахрапом, давить массой. Так что казалось, сейчас развернись, и мы добьём исламистов, а там уже оторвёмся от возможной погони. Но эти земли уже задолго до нашего рождения привыкли к тому, что крови много не бывает.

Ощущение «жопы», как любил называть это мой дед, нахлынуло внезапно, как раз в тот самый момент, когда мы до-

стигли перевала, и Батя приказал занять оборону. И исходило оно совсем не от поредевших боевиков, с упорством баранов «Талибан стайл» цепью прущих вверх по склону. Откуда-то слева явственно повеяло смертью, причём не только для меня, но и для всех нас.

Рывком повернувшись в ту сторону, я буквально встретился глазами с парочкой бородачей, забравшихся на соседний пригорок и уже вскидывающих на плечи тубусы ручных гранатомётов. ВАЛ выдал короткую очередь и замолчал, оставшись без боезапаса. Один из радикалов словил пулю в лоб и как-то медленно завалился набок, хорошенько приложившись головой о шершавый ствол. Перезаряжать магазин времени не было. Второй уже навёл на нас своё оружие и нажал на скобу.

Стоящие рядом ребята только-только заметили новую опасность, и в эту секунду я понял: «Всё, мы попали!» Это означало только одно – гибель всей группы. И снова, как это бывало уже не раз во время смертельной опасности, я ощутил некий внутренний толчок. Моё тело рывком ускорилось, на несколько секунд приобретя совершенно немыслимые для человека возможности.

Но на этот раз, пожалуй, впервые, то было моё осознанное желание, вспышкой сверхновой родившееся в мозгу. Ибо лично мне оно несло не спасение, а смерть. Рванув с огромной скоростью на гранатомётчика, стремясь уйти как можно дальше от ребят, я встал на пути медленно приближающего-

ся ко мне снаряда. И когда он оказался рядом, со всей силы долбанул по детонатору прикладом ВАЛа.

Отпущенной мне неведомо кем сверхскорости хватило едва-едва, но я был рад, что хотя бы остальные вернутся домой. В последний момент во всполохе взрыва я осознал, что уже перестал существовать, но к удивлению, всё осознавал и при этом не ощущал никакой боли. Сквозь огненные клубы взрыва прорвались невесть откуда взявшиеся радуги созвездия и цветные круги. Неведомые символы, звёзды и знаки завели хоровод вокруг остановившегося мира. А затем была белая вспышка, и моё сознание померкло.

Глава 1
Кровь и терновник

Солнце неумолимо жгло сквозь дыры в ветхой ткани, натянутой прямо у меня над головой. Обжигающие стрелы лучей били сквозь пыльный сумрак. Уже придя в сознание, я минут пять лежал неподвижно, пытаясь осознать, что собственно со мной произошло, и прислушивался к не стихающему в голове колокольному звону.

Помню, был взрыв, а потом белый свет, какие-то символы, искры и радуга. Хотя, может, никакой радуги и не было. Да какая собственно разница. Главное, что я жив и относительно здоров. Впрочем, хорошего в этом было мало.

Я попытался пошевелиться, почувствовав, наконец, верёвки, стягивающие запястья. Перекатился на бок, в тень, подальше от жгучих лучей сирийского солнца.

Хреново. Похоже, что пленившие меня боевики забрали оружие, бронник и всю мою одежду, не оставив даже трусов. Валяться связанным, в чём мать родила, на грубо обработанных деревянных досках было неприятно. Но логику местных понять несложно. Голому человеку не выжить ни в пустыне, ни в горах, ни в степи. Так что пленник десять раз подумает, бежать ли ему, чтобы принять мучительную смерть от палящего зноя и жажды, или погибнуть от ночного холода, а как

альтернатива – скорый на расправу приговор псевдошариатского суда террористов. Хотя итог, в принципе, один. И там и там – смерть.

Я глубоко вздохнул, закрывая глаза. Когда я очнулся, у меня болела каждая клеточка тела. Что вообще-то немудрено для человека, словившего снаряд из противотанкового ракетного комплекса. Кажись, это был М67, производства наших заклятых друзей, а может быть, что-то более экзотическое типа Granatgevär m/48 Carl Gustaf. Неважно… Непонятно только, как я жив-то остался. И ещё, что удивительно, кажется, я совсем не пострадал.

Несмотря на постоянный гул в голове, сейчас я слышал и шум ветра, и близкие крики, и дикие вопли, сопровождаемые стуком металла о металл. Поди, накурились дури и празднуют. Не часто им удаётся подловить русских морпехов, да ещё и взять живого пленника. Пляшут вон, кинжалами звенят. Как были дикарями, так и не изменились за последнюю тысячу лет. И тем обиднее было оказаться тем, кому довелось попасть к ним в плен.

Неужели меня тоже «угостили» чем-нибудь этаким? Чтобы в будущем был посговорчивее и не дёргался, когда будут резать горло? Да не похоже. Несмотря на то что только что меня буквально крутило от боли, с каждой минутой и вздохом мне становилось легче. Во рту нарастал неприятный медный привкус, но ломота отступала, оставляя за собой лёгкую слабость. Лишь продолжало сильно саднить кожу в стя-

нутых верёвками местах. На удивление, других физических повреждений вроде бы не было. Даже пальцы остались целы и довольно быстро обрели подвижность, хоть по кончикам и бегали электрические иголочки.

А вот связали меня как-то странно. Руки были перемотаны грубой ворсистой верёвкой перед грудью, с нахлёстом петли, уходящей на шею. Ноги…

Я напряг пресс и сел. Вокруг щиколоток находилось что-то вроде простеньких деревянных колодок, с длинными губками и намотанной на них верёвкой. Ну да – дёшево и сердито. Такими, наверное, ещё при Саладине пользовались. Тот, кстати, вроде бы был курдом… Уж лучше бы местные, как он: против отмороженных исламистов сражались да науки развивали, стали бы цивилизованными людьми, а не дикими абреками.

Я попытался усесться удобнее. Колодки гулко стукнули о деревянный пол.

Похоже, что я находился в какой-то арбе на одной ослиной тяге. Неужели у террористов закончились джипы? Или это очередная местная поделка – «шахид-мобиль» из натуральных материалов? Ну – чтобы ещё больше приблизиться к идеологически верному варианту транспорта.

Была ли то телега или кузов тюнингованного деревом внедорожника, я был здесь не единственным и даже не основным грузом. Мешки из грубой ткани занимали почти всё свободное пространство. А за ними валялись какие-то тряп-

ки, образуя неаккуратные кучи. От этой ветоши при каждом моём движении взмывали облака пыли, забивавшиеся в нос и горло, заставляющие слезиться глаза.

Закашлявшись и сплюнув вязкую, тугую слюну, я вновь перевернулся на спину и уставился в потолок. Надо мной, на высоких рёбрах каркаса, был натянут дырявый тряпичный тент грубой работы. Это был не брезент, а настоящая домотканая ткань. Кажется, когда-то она была белой, но пустыня не терпит подобных цветов, быстро перекрашивая их в разнообразные оттенки жёлтого и охристого. Отчего-то мне вспомнились фургоны американских колонистов времён покорения фронтира, хотя скорее это была обыкновенная повозка цыганского табора.

Подтянув ноги к груди, я попытался дотянуться пальцами до неаккуратного узла, стягивающего колодки, и тут же почувствовал, как горло сдавила петля, оказавшаяся натуральной удавкой, скрученной так, что под кадык впивался до того не ощущаемый крупный узел. Прямо настоящая гаррота. Но я никогда не слышал, чтобы арабские джихадисты увлекались историческими реконструкциями. Хотя, судя по антуражу, это, похоже, какая-то местная специфика.

Может быть, я попал к остаткам рассеянных по Сирии боевиков-туркаманов? Те вроде совсем дикими были. Хотя откуда им взяться на границе с Иорданией? Или ещё к какой-нибудь мелкой, окончательно спятившей на почве религии группе сектантов.

Но, что бы я ни думал, смотали меня вполне грамотно. Я мог шевелиться, даже попробовать встать, но при любом движении рук верёвка немедленно пережимала мне шею.

Плохо. Значит, для начала мне нужно было заняться именно стягивающими запястья путами. Подтянуть их ко рту и попробовать перегрызть зубами не получилось. Под мышками на манер оперативной кобуры была протянута ещё одна петля, и похоже, что давящий на горло узел был общим для обеих верёвок.

Странно всё это. Не знаю, для чего было так заморачиваться, ведь проще всего смотать кисти за спиной. Нет – я, конечно, человек просвещённый и даже в курсе, что в древней Японии существовала целая школа связывания пленников, позволяющая превратить человека в живой аналог копчёного окорока с затейливой оплёткой. В каждом втором аниме показывают нечто подобное. Но здесь было что-то другое.

Сложная с виду спутка казалась довольно странной и, возможно, являлась домашней заготовкой какого-нибудь Саида, привыкшего вязать подобным образом местных баранов. Хотя зачем арабу душить бедных бяшек – оставалось для меня тайной.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, я выдохнул его, затем повторил ещё пару раз, пытаясь прочувствовать пределы натяжения, слегка вывернул плечо и резко просунул один из локтей между перекрещивающимися верёвками на гру-

ди. Петля немедленно сдавила мне горло, но дело уже было сделано. Освободить второй локоть оказалось значительно проще, а уже через пару минут, развязав, наконец, нашейный узел, я разминал затекшие запястья. Снять с ног колодки оказалось вообще плёвым делом.

Повозку тряхнуло. Затем ещё разок, и рядом с её бортом кто-то истошно заверещал. По ткани тента расплылась длинная красная полоса, словно кто-то брызнул на неё томатным соком или вишнёвым вареньем. Вот только сомневался я, что террорюги, насмотревшись американских комедий, кидались друг в друга пирогами и обливались сладким нектаром.

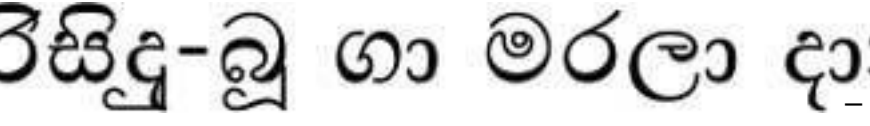
Крики, стенания и вопли недвусмысленно намекали на то – что это совсем не гуляния по случаю удачной поимки пленников. Либо праздник внезапно перестал быть таковым.

Там, за пределами повозки, кто-то кого-то активно резал. Вот только как-то непривычно при этом выглядело полное отсутствие криков «Аллах Акбар» и дикой пальбы из автоматического оружия. Я не такой уж большой знаток арабского языка, но за время моей службы в Сирии я успел изучить краткий разговорник, да и с местными общался немало.

Так вот из того, что кричали за тряпичными стенами фургона боевики неизвестной принадлежности, я не понимал ни слова.

– рокотали чьи-то лужёные глотки. –

Звуки языка, грубого, но звонкого, словно лязг металла, не рождал во мне никакого отклика. Можно было с уверенностью сказать, что он не принадлежал к семитской ветви афразийской семьи, и я не слышал его даже на лингвистических брифингах. Так что определить, к кому собственно я попал в руки – затруднялся.



– визгливый крик женоподобного голоса поддержали восторженным визгом. –

Ещё один странный говорок. Чем-то похожий на первый, впрочем, также незнакомый.

– Min mage! Guts! Ah-ah-ah-ah-ah! De har dödat mig! Dödade! – надрывался кто-то недалеко от повозки, перемежая непонятные грубые слова со стонами, полными непереносимой боли.

О, а это что-то более привычное, гыкающий славянский выговор, и слова очень похожие на один из скандинавских языков. Неужели наёмники.

Резко тряхнув грубую ткань купола, его, с хлопком, прошила длинная стрела. И в этот момент на меня в очередной раз накатило. Словно бы в замедленной съёмке, я смотрел на приближающийся ко мне, танцующий в полёте снаряд, поднял на автомате руку и, ещё не понимая, что собственно делаю – отбил его ладонью, словно надоедливую муху.

Стрела странно взвизгнула, время вернуло свой привычный бег и, пронесясь мимо с глухим звуком, воткнулась в один из стоящих у бортика мешков. Она пробила его почти насквозь, так что снаружи осталось торчать только зеленоватое оперение, видимо, позаимствованное у какого-то попугая. Из образовавшейся дыры посыпалось нечто похожее на синюю фасоль. Я даже не успел испугаться – только как-то отстранённо подумал, что только что в очередной раз оправ-

дал свой довольно двусмысленный позывной.

Что у них там творится-то? На боевиков напали совсем уж дикие кочевники? Или действительно террористы дореконструировали Халифат до настоящего средневековья? Надо бы валить от моих радушных хозяев, а то что-то я здесь засиделся. Пофигу мороз, что я голый. Как-нибудь выкручусь. Положусь на добровольно принудительную помощь всё того же пресловутого Саида. Боевики порою очень беспечны, а я умею просить. К тому же альтернатива подобному авантюрному плану – превратиться в подушечку для стрел или быть зарезанным на камеру в каком-нибудь из съёмочных павильонов далёкого Эль-Рияда.

Я ещё раз огляделся. В первую очередь стоило разжиться чем-нибудь, что можно использовать в качестве оружия. На первый взгляд, выбор у меня небольшой – тряпки, мешки с синими бобами и какой-то вообще не стоящий упоминания мусор.

Ещё несколько стрел, добавив дырок в ткани фургона, унеслись в неведомые дали. Пригибаясь, чтобы не поймать очередной подарочек, ведь как я знал, ещё пару минут на спасительную силу можно было не рассчитывать, я пробрался вглубь повозки. Спрятавшись за мешками, принялся рыться в сумраке фургона среди пахучих грязных тряпок, в поисках чего-нибудь пригодного для нанесения тяжких телесных повреждений.

Ткань, похоже, была то ли от натяжного шатра, то ли па-

латки местной выделки, однако мои надежды на то, что среди них мог затеряться нож или, ещё лучше, топор – не оправдались. Вернувшись в конец телеги, я ухватился за древко застрявшей в мешке стрелы и потянул её на себя.

Не фонтан, конечно, но всё лучше, чем голые руки при полностью обнажённых чреслах. Зубчатый наконечник зацепился за что-то внутри, и я, не желая долго возиться, просто рванул древко на себя, распарывая и без того хлипкую старую ткань. Мешок свалился мне под ноги, и сухие бобовые с тихим шуршанием пролились на дно повозки. Я чертыхнулся сквозь зубы, переступая с ноги на ногу и морщась от пахучей голубоватой пыли.

Осмотрев стрелу, я крякнул с досады. Наконечник слетел и остался где-то в мешке. В моих руках был обычный прутик с расщепленным кончиком. Наверное, хороший был снаряд – но теперь совершенно бесполезный. Разве что в глаз кому-нибудь ткнуть, изображая из себя эльфа Леголаса.

А – ладно! Может, и пригодится. Отложив в стрелу в сторону, я принялся осматривать бортик на предмет возможности оторвать от него доску и в этот момент увидел за упавшим мешком острые концы деревянных колышков. Ну, естественно! Если есть палатки – значит, должны быть крепёжные элементы.

В результате недолгих поисков я стал обладателем целой связки жердей разной длины. Если бы я был Мистером Ти или Стивеном Сигалом, то, объединив их с древком стрелы,

мог бы получить РПГ-7 или нечто подобное. Но, к сожалению, я такими навыками не обладал, а сделать из этого барахла исправный лук сумела бы только какая-нибудь голимая «Рэмба».

Хотя, если подумать… Там, где есть палатки и колья – должен быть и инструмент. Поэтому я стал методично отваливать в сторону мешки и, наконец, нашёл то, что мне было нужно. Большая полутораметровая киянка с бойком из круглой чушки, обмотанной крашеным зелёным ремнём. Взмахнув пару раз новообретённым оружием и привыкая к весу взятого на вооружение бывшего стройинвентаря, я кровожадно улыбнулся.

Вот теперь можно было подумать над тем, что делать дальше. Укрывшись за мешками с фасолью, уже зарекомендовавшими себя как защита от случайных стрел, я проделал небольшую дырку в куполе фургона и аккуратно выглянул наружу.

Увиденное заставило меня сглотнуть вязкую слюну со стойким медным вкусом, исходящим, похоже, как раз от фасолевой пыли. Поморщиться, зажмуриться и вновь прильнуть к прорехе в ткани, серьёзно озаботившись собственным психическим здоровьем и новыми веяниями в среде арабских террористов.

Похоже, наши ВКС вбомбили-таки джихадистов в каменный век. Ну, или хотя бы в глубокое средневековье, ведь перед моими глазами раскинулась настоящая батальная сцена,

увидеть которую можно было разве что на играх реконструкторов. Боевики, обряженные в самые настоящие латы, сражались друг с другом и с целой толпой злобных карликов. Настоящих фэнтезийных дворфов, которые также не гнушались лупить не только нормальных людей, но и себе подобных.

Впрочем, хаосом всё это выглядело только на первый взгляд. Понаблюдав из своего укрытия за вопящими, орущими и воющими мужчинами, мало похожими на суровых воинов джихада, я смог выделить две довольно чёткие стороны разгоревшегося вокруг моего фургона конфликта.

И там и там имелись как люди, так и карлики – вот только выглядели все они совершенно по-разному. Одни – натуральные берберы, в длинных светлых халатах, шароварах, намотанных на голову чалмах из разноцветных тряпок, скрывающих и лица, сражались совместно с похожими на цыган коротышками в ярких, броских рубахах. Их противники выглядели ещё более странно.

Бойцы в кожаной броне с многочисленными лямками, подтяжками и перевязями, на головах у которых красовались стальные салады немецкой работы прямиком из века этак пятнадцатого. И полуголые гномопанки, с цветными бородами, ирокезами, тонной пирсинга и яркими татуировками по всему обнажённому торсу.

Мать моя женщина! Крестоносцы опять с сарацинами сцепились за Гроб Господень, попутав Сирию с Израилем.

Хотя Палестина, она тут, под боком. Привет тебе, средневековье, мадам, я ваш навеки!

И главное, вооружены все были кто чем, но ни одного автомата Калашникова или другого огнестрельного оружия я не увидел. Мечи, ножи, дубинки. Двуручные секиры и топорики со щитами. Какой-то безумный, монструозного вида сельхозинструмент в руках бритых коротышек-цыган.

Имелось что-то жутковатое в том, с какой яростью и ненавистью убивали друг друга эти странные люди. Кровь лилась рекой, но никто из сражающихся даже и не думал убегать. Наоборот, с каждым упавшим карликом и отлетевшим в сторону человеком свара разгоралась с новой силой.

Всё это было настолько сюрреалистично, что мне на секунду показалась абсурдной сама идея, что где-то в пяти километрах над нашими головами вполне может пролетать на сверхзвуке Су-35 или тем более ПАК-ФА. Тут казалось, уместнее появление дракона или какой-нибудь другой крылатой твари, и от этой мысли мне стало как-то не по себе.

Перебравшись в хвост телеги, к самому клапану, закрывающему зад фургона, я аккуратно оттянул его и резко отпрянул назад. Блин! Накаркал. Вот на хрена было про драконов-то вспоминать? Куда мне теперь валить?

Но секунда паники прошла, а атаки монстра так и не последовало, и я решился на вторую попытку. Снова приоткрыв ткань, я одним глазом выглянул наружу. На меня в упор смотрела морда. Нет… Мордаса… Рыло огромного уродли-

вого мутанта, флегматично стоящего метрах в пяти от моей телеги и методично пережёвывающего что-то огромной пастью, полной вполне человеческих моляров.

Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза, а затем чудовище отвернулось, привлечённое каким-то звуком. Я поспешил задёрнуть тряпичную преграду, в полном обалдении усевшись задом прямо на рассыпанную по полу фасоль.

Из состояния шока меня вывела громкая возня, донёсшаяся прямо из-за клапана.

– Snabbare! Snabbare! Dum jävel! – яростно шептал молодой мужской голос. – Slår du djur!

Глубоко вздохнув, я, оторвав свой голый зад с прилипшими к нему сушёными фасолинами, отряхнулся и, перехватив поудобнее киянку, вновь приподнял прикрывающую вход ткань.

Возле чернобыльского мутанта суетился бербер-сарацин в грязно-оранжевой чалме и, что-то приговаривая, тянул меланхоличного ужастика под уздцы в сторону придорожных зарослей. Я тихо свистнул.

– Мхла! Алей! Тхуела хуна! – выдавил я из себя некую фразу, запомненную мной из русско-арабского разговорника, которая, как мне казалось, значила: «Эй! Али! Подь суды!»

Не знаю, что там понял боевик, но он дёрнулся и медленно обернулся, а затем действительно подошёл к клапану, вы-

ставив перед собой свой ржавый мясницкий тесак, и аккуратно заглянул внутрь. Почти без замаха боёк киянки, тюкнул незадачливого «Али» по темечку.

Звякнул выпавший из обмякших пальцев нож. А вот самого сарацина я, ловко ухватив за шкирку, втянул в повозку. Отметив на ходу, что, похоже, одним террористом на земле стало меньше, занялся экспроприацией шмоток.

Чалма – мерзкая засаленная тряпка, жутко воняла. Халат предыдущий владелец, похоже, не снимал с самого рождения, а обмотки, служившие местным террористам обувью, можно было использовать как биологическое оружие. Но я терпел. Да и что мне собственно оставалось делать.

Во-первых, всё лучше, чем бегать по пустыне в стиле «ню», рискуя не только обгореть, но и заработать быстрый, гарантированный солнечный удар. К тому же желание сбросить эту пакость отбивали колючки кустов, похожих на обычный европейский терновник.

Веселье у странного каравана продолжалось, массовая резня набирала обороты, а потому я стремился свалить как можно дальше от разбушевавшихся «реконструкторов» в максимально короткие сроки. Не ровен час, та или иная сторона, добив последнего супостата, обратит внимание на исчезновение приза в виде русского морпеха.

Впрочем, не думаю, что эти товарищи вообще стали бы разбираться русский я там или американец. Непохоже, что и они сами они были арабами, у грохнутого мною боe-

вика были вполне европейские черты лица. Возможно, то был рекрут, из какой-нибудь страны Евросоюза. А то и из самих Штатов. Вот только массовое использование карликов-неформалов, местные крестоносцы и мутанты – наводили меня на совсем уж дурные мысли.

Какая мне разница, кто они и откуда! Моя задача оказаться подальше от гостеприимных террористов, чтобы мамке и сестре не пришлось проливать слёзы, глядя в программе «Вести недели», как их Игорю очередной «Джихади Бобик» отрезает на камеру голову. А вот желания разбираться, кто прав, а кто виноват в сражении «сарацинов» и «крестоносцев», у меня не было.

Я резко остановился, буквально раздавленный мелькнувшей мыслью.

«Что ж ты за скотина-то, Нечаев!? А ещё русским морпехом себя называешь…» – пронеслось в голове, и от этого меня бросило в пот, а в висках застучали колокола.

Обернувшись на повозки-фургоны, запряжённые жутковатыми мутантами, размером с военный «Урал» каждый, я зло ощерился, вдыхая вонь грязных тряпок.

Сам-то я цел и невредим. Выбрался, выкарабкался и первым делом свинтить решил! Испугался, сдрейфил? О шкуре своей только и думаю… Вот я живой и со мной всё хорошо, а Батя, Вадик, Лёха, Толян и Петро и другие? Может быть, они по остальным повозкам распиханы? Их мамки и жёны пусть, значит, посмотрят на последнее интервью своих близких?

Шумно, со свистом, втянув в себя воздух, я перехватил киянку поближе к бойку. Оглянулся на спасительные заросли и, кивнув своим мыслям, скользнул обратно к каравану. Колючки, словно не желая отпускать меня, рвали халат, шипы оставляли длинные кровавые полосы на тыльных сторонах не защищённых тканью ладоней.

Прильнув к борту первого фургона в колонне, того, в котором похитители везли меня, я отдышался. Запряжённая в него жуткая зверюга, порождение сумрачного гения арабских селекционеров-вредителей, похоже, была мертва. Мутант лежал на животе, подогнув под себя короткие мощные копыта, высунув длинный сизый язык из своего почти человеческого рта.

Перебежав к следующей повозке, я рванул ткань купола и, не таясь, заглянул внутрь. Пусто – телега была забита какими-то вещами, но пленников в ней не наблюдалось. Так же как и в следующей, и ещё через одну.

Пару раз мне пришлось, упав на землю, забираться под днище, пропуская мимо себя конных лучников-крестоносцев. А у последней телеги так и вовсе кипела нешуточная схватка между воином с саблей и щитом в кожаной броне, сарацином и карликом-цыганом. А что самое поганое – последние двое увидели меня и разразились радостными криками.

Прошлось импровизировать. Киянка с размаху звонко щёлкнула по блестящему шлему резко обернувшегося ко

мне «европейца», а потом почти сразу же приложила по лбу радостно вскинувшего руки коротышку. Его напарник что-то заорал, выставляя перед собой топор, но тут же умолк, с тихим хрустом приняв на висок тяжёлый боёк.

И снова телега оказалась пуста. На душе стало как-то грустно, тяготно – ведь это означало, что из всей группы выжил только я, а ребята остались там на перевале. Но тем не менее я чувствовал, что всё сделал правильно, и когда спустя пару секунд нырнул в терновник, на колючки и вонь чужих одежд я не обращал ровным счётом никакого внимания.

Оказалось, что полоса кустарника, от телег выглядящая непролазными зарослями, не очень-то и широкая. Похоже, это был язык, охватывающий поворот дороги, который я пересёк минут за пять. И лишь когда я снова вывалился на умятую колею тракта, исцарапанный и в порванной одежде, стало понятно, что крики и звон металла слышны не только со стороны оставленного мной каравана.

Видимо, пара повозок пытались сбежать, вырвавшись из засады. Проскочив поворот, хитрозадые возчики надеялись скрыться, покуда основную часть каравана грабят гномопанки со своими корешами. Но удача не была к ним благосклонна. Повозки догнали, не дав тем как следует оторваться.

Прямо передо мной, возле одного из фургонов боевики азартно соображали двое на четверых. Правда, если быть педантично точным, то защитников каравана, а ими, как я уже понял, были сарацины и цыгане, оставалось полтора против

трёх с половиной из команды противника. И дело не в том, что один обороняющийся оказался лысым карликом в ярких одеждах попугайских цветов. Просто он был хорошенько располосован чем-то острым, как и один из крестоносцев, заимевший незапланированный природой разрез в животе и сейчас с упорством утопающего отползавший в сторону, подтягивая за собой волочащиеся по земле сизые внутренности.

Его обидчик, высокий и худощавый мужчина, с лицом смазливого красавца с огромными раскосыми глазами, скорее гламурный китайце-француз, чем араб, ловко отбивался саблей от троих наседающих на него бойцов. Возвышаясь над противниками почти на голову, он успевал даже иногда переходить в контратаки, но по тяжёлому дыханию было понятно, что долго так продолжаться не может.

За спиной что-то радостно жахнуло, обдав меня волной горячего воздуха. Мысль отступить и пересидеть действо в кустах отбили дикие крики, раздавшиеся с той стороны дороги. Да и царапины этого странного терновника зудели, прогоняя любое желание вновь соваться в эту придорожную растительность.

Получается, единственный путь к отступлению мне преграждали эти местные «косплейщики», с азартом пускавшие друг другу кровь средневековым оружием. И вот тут это зрелище полностью вывело меня из равновесия. Эти злобные буратины, которые заставляли трястись весь «цивилизован-

ный» мир, словно бы насмехались надо мной, размахивая зубочистками.

Не так я представлял себе подобную встречу с воинами джихада. Ощутив самую настоящую волну разочарования, я покрепче перехватил свой молот и, уже сделав шаг вперёд, остановился.

Да что со мной не так-то! Веду себя как новобранец, впервые узнавший, что в армии сейчас нет дедовщины девяностых годов, и непонятно: то ли злиться, ведь на гражданке перед девочками спокойной службой особо не похвастаешься. То ли идти самому насаждать её, родимую, наплевав на то, что на каждом столбе висит телефон военного прокурора, а все бойцы при мобильниках!

Круто развернувшись, я дернулся было к кустикам, словно переволновавшийся пионер на первом свидании, но моим попыткам скрыться не суждено было сбыться. Один из крестоносцев, обернувшись на секунду, увидел меня и, видимо из соображений спортивного интереса, решил дать фору и так одолевающему их с приятелями французу.

С грозным гортанным рёвом: «Павирт Бхуми ке-ле Маро!», во всяком случае, именно так я понял его выкрик, он кинулся на меня, потрясая своей заточенной железякой. И, похоже, что если я хотел сохранить свою шкуру целой, следовало уделить ему самое пристальное внимание. Во всяком случае – он настаивал!

Пока противник вопил, взбивая дорожную пыль подко-

ванными сапогами, я успел подготовиться. Всё же моему оружию требовался простор. К тому же здесь можно было сделать пару вещей, о которых не пишут в рыцарских романах.

Размахнувшись, как для удара по футбольному мячу, я шоркнул ногой по земле, запуская песок в оскаленную морду крестоносца. Но выросший в полупустыне воин прекрасно знал подобные уловки и не повёлся, ловко заслонил лицо предплечьем, оберегая глаза. Песок запорошил его кожаные одежды, и пару мелких камешков бессильно звякнули по стали наплечника. Однако на какую-то секунду я пропал из его поля зрения, и этого было вполне достаточно.

Как в молодости на тренировках, я крутанул деревянный молот над головой. Боёк радостно свистнул, нанося мощный боковой свинг. Разогнавшийся мужик, заметив опасность и не имея возможности уйти от удара, попытался поднырнуть под киянку, заодно выставляя что-то типа блока своей железякой. Дёрнулся влево, вправо, всем своим видом показывая, что готовится уйти в перекат.

Ах – если бы всё было так просто! Перехитривший сам себя боец, вместо того чтобы поваляться по земле, исполняя акробатические кульбиты, просто присел, резко выкинув вроде бы подготовленное под блокировку оружие вперёд, целясь остриём мне в незащищённый живот. Будто бы не знал, что молот это не меч, копьё и не алебарда, чуткие к пожеланиям владельца.

Всё, чего он добился – сам подставил свою голову под удар. Не дёргался бы, может быть, и принял бы боёк, а то и топорище, на руку или вообще защищённым плечом. Ведь бил-то я на уровне грудной клетки. Желание непременно попасть в голову подобным оружием наш инструктор отбивал у пацанов в первую очередь. Ведь нанести хороший удар в корпус гораздо легче, а эффект будет ничуть не хуже.

Киянка напрочь снесла мужику шлем, а самого его, закрутив словно Плющенко в кульбите, отшвырнула на пару метров. Прямо к терновым кустам на обочину дороги. Вылетевший из рук ятаган, бабочкой блеснув на солнце, улетел куда-то в заросли, оставив за собой лёгкое сожаление об отсутствии у меня нормального более-менее привычного оружия. Но искать его сейчас означало потерять время и темп, к тому же я сомневался, что османский клинок будет удобнее моего строительного инвентаря.

К тому же, судя по крикам, доносящимся от основного каравана, веселье там подходило к завершению, а значит, времени на поиски у меня просто не было. Нужно было немедленно убраться отсюда как можно дальше от этого проклятого места.

Я мягким, стелющимся шагом направился к основной группе боевиков-реконструкторов, увлечённо полосующих друг друга средневековым оружием. Здесь произошли некоторые изменения. В частности, высокий сарацин в чалме получил-таки пару порезов, что не могло не сказаться на ходе

боя. Его уже припёрли к борту повозки, и он из последних сил отражал довольно слаженные атаки нападавших.

Крестоносцы же, наоборот, будто почуявшие кровь волки, усилили натиск. Мелькнула мысль подождать развязки, чтобы уменьшить количество возможных противников. Но с другой стороны, слишком много было непонятного вокруг, а чем больше у меня будет источников информации, тем более полную картину происходящего вокруг я смогу построить. А это означало, что мне нужен «язык», и при учёте, что вопли парней в шлемах я не понимал, у меня оставалась единственная кандидатура.

Двойка крестоносцев разошлась пошире, максимально усложняя жизнь сарацину. Было видно, что они настроены очень серьёзно и вот-вот готовы закончить концерт, нанизав китайце-француза на свои клинки. В мою сторону они даже не смотрели. Видимо, уверенные в победе своего товарища. А их жертва приняла меня за своего и старалась всеми силами не выдать моего присутствия.

Что ж! Мне это было только на руку.

Боёк киянки, после могучего замаха, приласкал шлем ближайшего бойца. От удара воина перекосило и швырнуло лицом на борт повозки, по которому он сполз на землю, оставляя за собой широкую кровавую полосу. Его напарник, увидев полёт товарища, разразился воплем про «Павирты» и «Бхуми», нанося мощный удар по своему текущему противнику и тут же поворачиваясь к источнику новой опасно-

сти, даже не проверив, попал он по смазливому или нет. Чем мгновенно воспользовался его противник, ловко полоснув отвлёкшегося врага по животу и тут же взрезав быстрым движением неприкрытое горло.

Он улыбнулся мне во все свои зубы, демонстрируя плод работы халифатских дантистов.

– Bra gjort! Låt oss gå… – произнёс он.

– Ага! Я такой! – ответил я, прописывая сарацину классический прямой в челюсть, после которого тот мешком рухнул на землю. – Но больше не обзывайся!

Интерлюдия 1
Домашний очаг

– …Вы действительно угощали своих гостей голубцами с фекалиями? – вставил ведущий, перебивая насупившегося, раскрасневшегося мужика в безвкусном костюме.

– Нет! Мать его! – перемежая слова с матом, прорычал некий Иван Семёныч, привставая с дивана. – Я ж говорю! Шутили мы так! Шу-ти-ли! Нормальные были голубцы! С мясом. Да и когда это было-то! Больше десяти лет назад!

– А что скажет представитель Роспотребнадзора? – ведущий подошёл к одному из гостей.

– Вы знаете. Что я могу сказать. Подобные претензии к директору комбината по производству замороженных полуфабрикатов звучат очень серьёзно, – экзальтированная дамочка в синем платье, нахмурила тонко выщипанные брови. – Даже если этот инцидент всего лишь шутка, нам стоит обратить пристальное внимание на продукцию данного комбината.

– А его деятельность будет приостановлена?

– Непременно, на весь срок проверок.

Она глубокомысленно замолчала. Взвыв, разоренный бизнесмен вскочил со своего места и накинулся с кулаками на обидчика. Интернет-эксперта – худого и высокого молодого

человека с унылым вытянутым лицом. Именно он связал и запустил в прессу слух о связи преуспевающего коммерсанта с известным онлайновым мемом середины двухтысячных. Более того, смог доказать свои подозрения, что серьёзно ударило по репутации предприятия.

Завязавшуюся потасовку разняли крепкие парни из охраны телестудии. Утирающий кровавую юшку эксперт с разбитыми очками убежал за сцену.

– Нам потребуется несколько минут, чтобы успокоить зал, гостей и экспертов. За кулисами нас ждут люди, готовые шокировать нас новыми подробностями этой запутанной истории. Оставайтесь с нами.

– Новый! Восхитительно летний! Освежающий вкус холодца с хреном принесут вам чипсы «Raids!». Чипсы «Raids» – всё, что нужно тебе и твоим друзьям…

Тренькнула духовая плита, сообщая о двухминутной готовности, и Софья, отложив в сторону нож и недорезанные овощи, отвернулась от телевизора. Залесская всегда хлопотала на кухне, готовя ужин под мерное бурчание одного из выбранных наугад каналов, практически не вслушиваясь в то, что лилось на неё из телеэфира.

Когда в семье два подростка, считающие себя уже взрослыми, любая готовка из каждодневной рутины превращалась в самый настоящий ритуал. Дети хоть и пытались уже казаться независимыми, сметали с тарелок всё, сколько ни положи,

главное, чтобы это было приготовлено правильно, с душой. А потому женщине не просто приходилось постоянно самосовершенствоваться в кулинарии, но и самой придумывать всё новые и новые интересные и аппетитные блюда.

А прибавь к этому мужа – ныне вегетарианца, который последние полгода ел только продукты растительного происхождения… К тому же в последнее время Ипполит всё чаще возмущался, когда она кормила его пропаренными или тушёными овощами, что не позволяло Софье готовить одновременно для всех. Характер у супруга был тот ещё, и появись перед ним на столе банальная жареная картошка – вся сковорода рисковала оказаться в мусорном ведре, даже если она с детьми не ели ничего с самого утра.

Так что процесс приготовления пищи для семейных ужинов всегда затягивался и отнимал много сил. К тому же сегодня Залесская планировала не обычный ужин. Несмотря на взаимную нелюбовь с Ипполитом, к ним обещала заглянуть соседка Регина – лучшая Софьина подруга. Да ещё с каким-то сюрпризом. Одно только её присутствие гарантировало, что супруг будет вести себя нормально и вечер будет великолепным. И это было дополнительным поводом расстараться.

Нет, ей это было не в тягость. Семья Залесских имела возможность нанять и служанку, и любую прислугу, да хоть кухарку с шеф-поваром и дворецким, но к неудовольствию Ипполита, Софья, заправлявшая домашними делами, была ка-

тегорически против. С некоторых пор ей была противна даже сама мысль о том, что в её уютном гнёздышке кроме неё будут заправлять какие-нибудь чужие люди. К тому же она была убеждена, что даже специалист с поварским дипломом не сможет приготовить так вкусно, как любящая мать и жена.

А ведь надо ещё позаботиться, чтобы пища была полезной в том понимании, в которое вкладывала в это понятие именно она. Учесть пожелания приёмной дочурки, хоть и не забивающей себе голову различными модными диетами, но старающейся питаться правильно, и младшего сына, который, словно бы в пику всеядным сестре и старшему брату, был тот ещё привереда. Наверное, сказывалось влияние отца.

Громко тренькнул таймер, сообщая о готовности. Софья, открыв дверку, ловко подхватила противень прихватками за края и вынула его из духовки. Одуряющий запах свиного рулета с черносливом, яблоками и грибами разнёсся по квартире. Вдохнув нежный аромат, Залесская, наверное, впервые за сегодняшний день улыбнулась и кивнула. Одновременно сделав в уме пометку: «Не забыть проветрить квартиру, а то муж со своим нытьём о “трупном запахе” все-таки может испортить весь вечер. Ах да! И не забыть запарить ему зелёную гречку. У него же сейчас “период живых круп”».

Словно бы освоив телепортацию, на кухне возникли два чрезвычайно забавных, «няшных», как выражалась дочка, кота-манчкина. Их ещё котятами лет десять назад подарил Залесским настоящий отец старшего сына. Он ещё что-то

говорил об их необычном окрасе, но Софья тогда совсем не слушала Данила, да и вообще предпочитала избегать общения. А вот сейчас думала, что, наверное – зря.

Мяукая, словно заведённые, огненно-рыжая и голубовато-зелёная кошки немедленно начали тереться о ноги хозяйки. При этом их мурчание было такой силы, что казалось, будто рядом работает перфоратор. Шикнув на выпрашивающих подачку хвостатых девиц, Софья, погрозив хитрющим усато-глазастым мордам пальцем, напомнила, что не далее как час назад они умяли по приличной миске своего элитного корма. И, если верить тому, что написано на его упаковке, ягнёнок в соусе ничем не хуже свинины её, Софьиного приготовления. Которую к тому же им – кошкам, категорически нельзя.

Подцепив ножом нить, которая стягивала рулет, женщина освободила его от пут и переложила на блюдо. Полив исходящее паром мясо изысканным кисло-сладким соусом, рецептом которого с ней поделилась ещё одна подружка, накрыла крышкой и убрала это оружие массового котопоражения в уже успевшую слегка остыть духовку.

Мясо должно быть не только горячим, но и как следует пропитаться, иначе Антон опять будет ковыряться в нём с кислым видом. А потом опять побежит в «KFS» покупать эти ужасные острые крылышки или не дай бог ещё какой-нибудь мерзкий фастфуд. Вот Игорь никогда не привередничал, съедал всё, что дают, а иногда ещё и добавку просил.

– Как он там? – задумчиво произнесла женщина.

– …«Горомофлюй» – всегда берём с собой! «Горомофлюй» – полезный такой… – как-то громко и очень противно ответил ей телевизор.

Софья закрыла духовку и замерла посреди кухни, обхватив свои плечи руками. Уже больше года прошло с тех пор, как внезапно умер казавшийся воистину бессмертным Данил. И с тех самых пор как до Софьи дошло это известие, её не покидало безотчётное чувство страха за своего старшего сына.

В тот вечер, когда дед Игоря позвонил ей и сообщил о смерти своего сына, Ипполит на радостях откупорил лучший коньяк, а вот Софья к веселью присоединяться не стала. Сама не своя ушла в спальню и, закрыв дверь, не включая свет, долго сидела на краешке кровати, глядя на пустой участок стены, по которому бегали отблески проезжавших на соседней трассе машин.

Она никогда не любила Данила Нечаева, но и не ненавидела, до смерти боялась и старалась избегать. Отец Игоря всегда казался ей огромным непобедимым чудовищем и одновременно человеком-кремнём, на которого всегда можно положиться. Известие о его скоропостижной смерти настолько шокировало Софью, что она на несколько дней потеряла аппетит и никак не могла выкинуть из мыслей своего старшего

сына. И в последние время всё стало только хуже.

«Всё будет хорошо. Игорь сильный и умелый. Он очень похож на Данила в молодости, и он обязательно вернётся…» – эти слова она твердила себе словно мантру уже который день. Но если обычно подобного аутотренинга хватало, чтобы тревога отпустила, то сегодня непонятное волнение не оставляло женщину с самого утра. Словно какой-то озноб пробирал её при мысли о старшем сыне, тайком от неё отправившимся служить стране в Сирии.

Кошки, словно почувствовав настроение хозяйки, как по команде встали на задние лапы, в позу сусликов, преданно заглядывая в глаза. Присев по-женски на корточки и оправив платье, Софья положила руки на их головы, начав чесать и гладить.

– Да, да, мои хорошие. Это просто глупые бабьи страхи. Наш Игорёк не по зубам каким-то там бабаям…

Рыжая Пуся тихо мурчала, глядя на неё своими огромными искристо-голубыми глазами, словно соглашаясь с каждым словом, а Ляля что-то нежно мяукала, зажмурившись от удовольствия. Момент единения был прерван хлопком двери и последовавшим за ним девичьим криком:

– Мам, я дома!

– С возвращением, милая.

И на просторной кухне элитной московской многоэтажки разразился цветастый вихрь. Его эпицентром была яркая, спортивная девушка лет семнадцати, с недлинными алы-

ми волосами, одетая в спортивный костюм кричащих кислотных цветов. Это была Алиса – приёмная дочь Залесской, которую Ипполит нагулял, пока она была беременной младшим сыном. Матери младенец оказался без надобности, муж, повинившись и вымолив прощение, предложил отдать девочку в детский приют, – но это был тот случай, когда Софья сказала ему решительное нет.

Она вырастила Алису как своего ребёнка и любила не меньше, чем собственных детей. И это было взаимным. Даже то, что когда девочке исполнилось шесть лет, Ипполит по пьяни проболтался ей, что Залесская не её родная мать – не смогло пошатнуть их взаимоотношений как мамы и дочки.

Ворвавшись в Софьино царство, Алиса как обычно успевала делать множество дел, и при этом не прекращая ни на секунду болтать. Живая и яркая девушка как будто наполняла помещение солнечным светом, чем очень отличалась от отца и даже биологической матери, которую Залесская прекрасно знала.

– А чем это так вкусно пахнет? – чирикала Алиса, щёлкая пультом от телека, снимая спортивную курточку.

– А можно кусочек, а то я жуть какая голодная! – уже рядом с ведущей в главную залу аркой, девушка копалась в шкафу с различными сувенирами и одновременно набирая сообщение в смартфоне.

– Представляешь, мам, у меня получилось тренера бросить сегодня. А мальчишки, дураки, говорят, что мне про-

сто повезло. А мне не повезло, я этому движению у Игорька научилась! Я его знаешь, как долго тренировала. Да что они вообще понимают… А где Антошка? А Игорь не звонил?

Монолог сопровождался кажущимися хаотичными движениями, однако чётко контролируемыми и оперативно пресекаемыми матерью. Так были последовательно остановлены попытки заглянуть в духовку, ухватить кусок булки из корзинки с хлебом и пощипать приготовленные к нарезке на салат овощи. Попробовать на вкус самодельный майонез и остатки кисло-сладкого соуса, помешать пальцем отцовскую гречку, продегустировать уже приготовленные блюда.

– Так! Голодающее Поволжье! Ты опять не обедала? На что теперь деньги копим?

– На мотоцикл! – гордо сообщила Алиса, утащив всё-таки из пиалы мочёный грибочек. – Ву ва-а-ам вай повесть… растущему организму!

– Нечего куски хватать, скоро ужинать будем, – строго сказала Софья и улыбнулась. – С мотоциклом будет так же, как со страйкбольным ружьем? Покопишь, покопишь… а затем спустишь всё с Татьяной?

– Наверное… – пожав плечиками, не стала отрицать очевидного девочка. – Но ты ж сама знаешь Таньку. Мои жалкие гроши. Ну, мне обидно совсем уж у подруги на шее висеть!

Софья только вздохнула. Регинину дочь она знала очень хорошо, как и то, что этой юной особе – палец в рот не клади. Откусит. И не потому, что жадная, а чтобы в следующий раз

думала – куда что пихаешь. Эта молодая бизнесвумен всего-то на полтора года старше Игоря была, по мнению всех его окружающих – его девушкой. К тому же Софья была совсем не прочь породниться со своей лучшей подругой, так что имела на Татьяну Эсперскую определённые планы, а потому, когда Алиса, подражая этой роскошной девице, покрасила волосы в красный, не высказала ни слова против.

При этом Таня с удовольствием возилась с младшими детьми, даже после того, как старший сын ушёл в армию, что дополнительно внушало Залесской определённую уверенность в завтрашнем дне. Однако с дочерью она была абсолютно согласна. Пусть на развлечения и путешествия, которые устраивала для подростков Эсперская, уходило несравнимо больше денег, чем могла скопить на обедах обычная старшеклассница, взносы Алисы в общую кубышку – были делом принципа.

– Скажи лучше, егоза. Ты с кем домой-то приехала, по времени ещё рановато… Водитель деда обычно тебя позже привозит.

– Меня чёрные пояса с тренировки подвезли. А в честь чего праздник? Папенька небось опять ворчать будет про «поедание трупов несчастных зверюшек», – девочка спародировала далеко не самый приятный голос отца. – Мааам, я б сейчас какой-нибудь трупик поглодала бы. Ну, хоть самый ма-а-аленький! Мышиный!

Последняя фраза сопровождалась демонстрацией огром-

ных жалостливых и голодных глаз, которым позавидовали бы даже Пуся с Лялей.

– Это те, которые мальчишки и дураки? Кто был в курсе, что ты с ними поехала и где собственно твои телохранители? – внезапно посуровела Софья.

– Тренер в курсе, – пискнула дочь, постоянно бунтующая против подобной насущной необходимости, и тут же надулась. – А болваны внизу, в своей машине! Куда они денутся… от них не оторвёшься.

– Что ты сказала?

– Я говорю, что парни, хоть и дураки, но свои, можно сказать, почти родные! – голос Алисы доносился уже из её комнаты.

– Ох, бедовая ты моя… – прошептала Софья и крикнула дочке вдогонку: – Переодевайся и мой руки! Так и быть, выделю тебе пару бутербродов – но не больше. Вечером Регина зайдёт с каким-то сюрпризом.

– А что за сюрприз? – не прошло и пары минут, как за стол плюхнулась уже переодетая в домашнее, умытая дочь, курносое личико которой сияло интересом и предвкушением.

Манчкины, сделав стремительный, явно заранее отработанный манёвр, тут же оказались у её ног, в надежде что им таки перепадёт чего-нибудь вкусненького.

– Ну, если бы она сказала, это бы уже сюрпризом не было, – Софья поставила перед девочкой кружку с чаем и тарелку с бутербродами, в один их которых та ту же впилась

крепкими белыми зубами, – Как в школе дела? Как подготовка к экзаменам?

– Нрмн. Птерк п мтике, – слишком большой кусок никак не хотел пережёвываться, – звтра конслтаця.

– Не говори с набитым ртом.

– Игорь не звонил? Когда он приедет? – наконец еда провалилась в положенное ей место. – Я соскучилась…

– Я тоже. Нет, не звонил, он же… – закончить фразу не дал звонок мобильного, тут же отозвавшегося мелодией полученного в «WhatsApp» сообщения, в кармане Алисиной юбки.

– Софи, это я! – раздался в трубке пробивающийся сквозь шум машин и гомон людей голос мужа. – Софи, мы с Тонни будем поздно! Пора парню получить билет во взрослую жизнь, так что я веду его на встречу с…

Имя оппозиционного лидера, которым супруг восхищался и в партию которого ежемесячно отчислял членские взносы, потонуло в вое сирены.

– …так что ты на нас не готовь! Мы в «Джаганнате» перекусим.

– Где? Ипполит! Дорогой! Но я же предупреждала тебя, что сегодня…

– Прости, Софи! Но такой шанс упускать нельзя… Да и Тонни очень просил познакомить его с… – прокричал в трубку муж и отключился.

– Свинтил, – тяжело вздохнула Софья, не зная то ли ра-

доваться ей, то ли взять и расстроиться.

– Чего? – переспросила дочь, отрываясь от смартфона.

– Антон упросил папаню познакомить его с их вождём. А твой отец так не хочет встречаться с Региной, что согласился.

– Ага, – хмыкнула Алиса, картинно поднимая руку с телефоном на уровень лица, и начала читать: – Сеструх, батя ваще борзанулся. Снял меня с подготовительных, наорал на бодиков, чтобы не преследовали нас «гэбисты проклятые», и тащит на спич какой-то демшизы! Лиса, если меня стошнит от этой кашерной политоты – прошу считать меня анонимом! Слава Пиратской Партии! Пы-Сы: Мне светит веганский ресторан. Спаси меня, сестра! Псы-Сы-Сы: Может, маман звякнет Глав-Деду, скажет, что меня похитили либерал-террористы, и он устроит папане и его дружкам праздник с маски-шоу? Улыбочка, улыбочка, ржущий смайлик!

– О господи… – только и сказала Залесская, устало покачав головой.

– Ну чё? – вполне серьёзно спросила её дочь. – Мне Глав-Деду звонить? Жалко ж братика.

– Ешь уже… – отмахнулась от неё Софья.

Спустя примерно тридцать минут, когда стол был сервирован, а между женщинами начался классический разговор ни о чём, в дверь позвонили.

– Я открою! – ураган по имени Алиса сорвался с табуретки, игнорируя возмущённый «мяв» котов, уже пригревшихся на её ногах.

И через десяток секунд тишина квартиры разорвалась счастливым воплем.

– Тётя Алина приехала! Тётя Ри, это ваш сюрприз?! Ура! Как я по вам соскучи-и-илась!

Софья с грустной ухмылкой убрала позорное блюдо из склизкой, передержанной в воде спаржи, которая очень нравилась Ипполиту, в один из шкафчиков. Вытерев руки полотенцем, женщина поспешила навстречу подругам. Алину – последнюю жену Данила, якобы живущую во Франции, она не видела уже пару месяцев.

После всех приветствий и объятий и положенных случаю писков и визгов вся женская компания устроилась на кухне, помогая хозяйке с горячими блюдами или просто играясь с котами, и предаваясь излюбленнейшему ещё «со времён оно» делу – сплетничая.

– А твой муженёк, я смотрю, так всё ещё дурью и мается, – задумчиво постукивая изящным пальчиком по краю стеклянной чаши с запаренной зелёной гречкой, спросила Алина. – Мы его сегодня будем иметь счастье лицезреть?

Элегантная золотоволосая женщина с ангельским ликом и выразительными, огромными, немного восточными глазами, в ошеломительном костюме из последней коллекции от модного парижского кутюрье расположилась за столом, закинув ногу на ногу. Казалось, настоящая богиня спустилась на грешную землю, настолько идеальной казалась окружающим Алина Нечаева. Но в отличие от дочки и Регины, Со-

фья прекрасно знала истинную природу своей бывшей… в какой-то мере конкурентки. Это сейчас они стали подругами – не разлей вода, а когда-то…

– Сбежал Ипполитушка, – немного грустно повторила женщина.

– А жа-аль, – почёсывая котов, так и льнущих ей под вторую руку, загадочно улыбнулась гостья из «Франции», а Регина тихонько хихикнула. – Хотя вот это вот – что-то новенькое. До такого даже у нас редко кто опускается…

– Папенька теперь у нас сыроед, – вставила свои пять копеек Алиса, не очень понявшая последнюю фразу Алины. – Изволит употреблять только растительные продукты, и то раздельно. Вчера, например, слил в унитаз отпадное овощное рагу!

– Алиса, продолжишь ехидничать, останешься без сладкого. Ипполит решил, что ему нужно почистить организм. Сейчас у него период «живых круп», ну там пророщенной сои, вымоченной спаржи… гречи и всего такого.

– Лин-Лен-Лун ему в помощь, – вновь расплылась в улыбке гостья. – Ты, Софийка, главное, запланируй, на годика через три подобной диеты, себе нового му…

– Тёть Ри, ну скажите хоть вы ей, – возмущённая материнской несправедливостью Алиса не дала «француженке» закончить. – Ну, это же бред!

– Мама правильно говорит, старших надо уважать. Какие бы они глупости ни совершали.

– Вы сами-то верите в то, что говорите?

– Я – нет! Но мне можно. А ты – обязана уважать, – высокая статная брюнетка с поистине королевской осанкой элегантно отправила в рот кусочек мяса, смакуя его вкус. – Даже если ты права по поводу бреда. Пророщенные культуры не несут никакой пользы организму, а вот вреда от них сколько угодно.

– Что-то я не поняла подобную дискриминацию… – буркнула Алиса.

Но как это и бывало в подобных случаях, не обиделась, а решила просто забить на подобные нравоучения, выделив из них главное – она права! А если Тётя Ри – говорит, что она права, а тётя Алина согласна – то всё! Это истина в последней инстанции, и никакие исследования английских учёных не опровергнут свершившегося факта.

– Девочки, вы же знаете Ипполита, если ему что-то втемяшится в голову – это потом не выбить.

– Ну и пусть жуёт свою траву, – хитро сверкнула глазами «француженка», – а у меня в машине есть пара бутылочек сухого Franchetti 2009 года и игристое Laurent Perrier Alexandra. Посидим, отметим встречу…

– Оу! А ты неплохо подготовилась, – похвалила её Регина. – Устроим мини-девишник! Только для своих… Тогда я Танюше звякну! Она…

– Да мы вместе… прилетели, – кивнула головой на недосказанный вопрос Алина.

– А мне нальёте… – жалостливо спросила Алиса. – Ну, немножечко!

– Если только немножечко!..

– Тише! Новости из Сирии, – Софья сделала громче телевизор, прерывая разговор подруг, которые с интересом прислушивались к тому, что говорит диктор.

– Во время проведения операции по спасению пилота сирийских ВВС, сбитого в районе города Дюраа, на сирийско-иорданской границе, группа, осуществлявшая эвакуацию лётчика, была обстреляна боевиками ИГИЛ. Операция прошла успешно, но, по неподтверждённым данным, среди российских морских пехотинцев имеются потери. Данные уточняются. На данную минуту Генштаб не сделал никаких заявлений.

На кухне воцарилась тишина. Хозяйка дома стояла, прижав обе руки к лицу и закусив палец, чтобы не закричать. Самые страшные мысли лезли в её голову.

– Софья, немедленно прекрати себя накручивать! – золотоволосая женщина решительно поднялась из-за стола. – Если бы с Игорем хоть что-то произошло, тебе давно уже позвонил бы Дед! А так…

Правильная и разумная речь Алины была прервана треньканьем яблокфона, лежащего на столе перед Залесской. На экране под «Имперский марш» отобразилось имя звонивше-

го – ГЛАВ-ДЕД.

Глава 2
Телега, карточка и хвостик

Повозку тряхнуло, и незакреплённые вещи внутри неё подпрыгнули, гулко стукнув по деревянному дну. Гужевой монстр пёр вперёд, словно танк, полностью игнорируя неровности, ямы и накатанную колею, по которой телегу под моим неумелым управлением мотало, словно тракториста Василия после четвёртого пузыря беленькой.

Унылый и однообразный пейзаж полупустыни сменился, стоило только въехать в предгорья совершенно неизвестной мне горной гряды. То, что место, в котором я оказался, не было моим родным миром, я понял ещё вчера, после общения с представителями местной цивилизации. Да и тянущая повозку тварь вряд ли когда-либо бегала по горам и пустыням Сирии.

Поёрзав на козлах и поглубже забравшись в тень козырька, я нащупал под деревянной скамейкой мех с водой и, хлестнув для острастки начавшего притормаживать флегматичного ужастика, присосался к живительной влаге. Слева от меня зашуршали развязываемые верёвки клапана, и ко мне, на передок телеги выбрался мой невольный и очень недовольный попутчик.

Усевшись рядом и поправив свою чалму, он какое-то вре-

мя сидел сгорбившись, широко расставив ноги и уперев локти в колени и глядя на проносящуюся под передними колёсами пыльную ленту дороги. Затем тяжело вздохнул и, повернувшись ко мне, уже в пятый раз жалостливо завёл всё ту же шарманку, что я слышал с самого утра. Правда, в этот раз в его голосе не было и сотой доли той уверенности, с какой он разливался передо мной соловьём в прошлые разы.

– Послушай. Ну, зачем тебе всё это? Неужели моего слова тебе недостаточно? Это же очень опасная вещь, я ведь так и у мереть могу. Ну, сними, а? Давай заключим нормальное, партнерское соглашение, раз уж мы оказались в одной лодке. Зачем такие радикальные шаги?

Я промолчал, внимательно наблюдая за дорогой, не отреагировав на слова попутчика.

– Слушай, мужик! Мы с тобой неправильно обошлись. Потом ты меня не понял – но ведь спас! Так, может, замнём, а? Иначе после этих ворот – всем нам с тобой будет очень и очень плохо.

– Может, и замнём. А может, и нет, – безразлично ответил я, даже не глядя на своего спутника. – Ты пока ещё не предложил мне никакой альтернативы. Такой, чтобы она действительно меня заинтересовала. А полагаться на одно твоё честное слово мелкого контрабандиста я, уж прости, – не могу и не хочу.

– Не такой уж я и мелкий.

– Данный факт только усугубляет твоё положение. К тому

же лично меня вполне устраивает твоё текущее состояние. А как ты обходишься со своими партнёрами, нужда в которых отпала – я имел счастье лицезреть.

Собеседник вновь тяжело и протяжно вздохнул.

– Вот чего ты такой несговорчивый? Из Чёрного Герцогства, что ли?

– Не понял наезда! – набычился я на всякий случай.

– 젠장! Спокойно! Я просто пошутил. Эх. Послушай меня, Иг-ор…

– Игорь, рожа твоя ушастая. И-го-рь!

– Почему-то сейчас мне было обидно. Ладно – Иго-орю.

– В мор-ду…

– 젠장! И-г-о-рь. Так правильно?

– Молодец, ухатый. Так держать. Спас свой фэйс для девочек.

– Почему ты называешь меня ушастым, а не косоглазым, как принято в твоём народе.

– Ты себя в зеркало-то видел?

– Издеваешься?

– Нет.

– А китайцев видел?

– Кого… эм… нет, не видел.

– Вот поверь мне, русскому человеку. Они косые, а ты –

ухатый.

– Послушай, Иго-рь, – мой собеседник тяжело вздохнул, – я двести восемьдесят лет живу на этом свете и никогда не слышал ни о каких рукс…

Он осёкся и уставился на меня так, что я больше не мог игнорировать его морду красавчика-сердцееда.

– Если ты из этих – то, поверь – не сработает, сколько бы ты на меня ни пялился. Сразу говорю – я не из ваших.

– Чего…

– Того!

– Если бы я не был ранен, и ты не напал бы исподтишка, у тебя не было бы и шанса, – надулся, затянув свою вторую по популярности песню, эльф.

Мой спутник – тот самый китайце-французский сарацин, которому я прописал прямой в смазливую морду, перед этим убив наседающих на него крестоносцев – оказался самым настоящим эльфом. Всё, как в книжках – хлыщ с женоподобной мордой, острыми ушами и скользким характером.

– Если бы да кабы, во рту росли грибы! – огрызнулся я. – Будь при мне ВАЛ или «калаш»… А, что тебе абреку объяснять!

– Ты назвал себя рукс-зкхем, – прервал он меня.

– И что? – протянул я, размышляя, стоит ли уже вступиться за попираемую честь отчизны, или абориген-долгожитель это так – не со зла.

– Ты не из этого мира…

– Расскажи мне что-нибудь, о чём я не понял, увидев тебя, ухатый, – отмахнулся я, на самом деле навострив уже свои – очень даже человеческие – уши, не забывая между делом нахлёстывать жуткомордого монстра, тянущего наш фургон. – Или ты вознамерился порвать наше соглашение? Что-то мне подсказывает, что если я один окажусь у ворот этого… гм… замка…

– Нет, нет… – замотал головой мой бывший пленник. – Я про…

– Только что ты мне угрожал. Или мне показалось?

– Ты точно родом не из Чёрного Герцогства? – быстро спросил эльф, а затем отвернулся, уставившись на унылый пейзаж того, что здесь называлось Святой Землёй.

– Точно. Ты как-то странно отреагировал, когда я назвал себя русским, – скучающим тоном спросил я. – Объяснись.

– По моему родному городу Элинцубару ходит городская легенда, что лет двадцать назад некий герой, человек «На», выходец из другого мира, посещал столицу и, устроив жуткий погром с тысячью смертей, увёл с собой девушку-сироту по имени Таэтень…

– Это всё просто великолепно… Я здесь каким боком?

– Он называл себя руксзкехем офицером! – выдал после недолгого молчания эльф.

– Правда? – меланхолично ответил я, задумавшись, зачем вообще я связался с этим странным типом, поглаживая пальцем драгоценную цепочку, обвивающую мою шею.

Наверное, затем, что выбора у меня просто не было. В слишком необычную ситуацию я попал, да к тому же всё увиденное мною за последние сутки никак не способствовало желанию действовать полностью автономно.

Не успел французо-китаец, отхватив мой грамотно постеленный удар, осесть на пыльную землю, как в полной тишине из кузова выскочило несколько фигур. С виду – арабские женщины в полном боевом облачении: чалма, паранджа, никаб и всё такое прочее.

Трое из них, подтянув подол и не произнося ни звука, задали стрекача в сторону пустыни, а вот четвёртой не повезло. С кульком на руках, подозрительно напоминающим завёрнутого в пелёнки младенца, беглянка запуталась в ткани, споткнулась о край телеги и кувырком полетела на дорогу, выронив свёрток, который до этого нежно прижимала к груди.

Словно по чьему-то приказу, врубилось моё ускорение, которое вообще-то раньше работало только в минуты опасности, угрожающей непосредственно мне. Сантиметров за десять от земли я успел перехватить кулёк и натурально крякнул от веса оного. Было в нём килограммов десять, не меньше, к тому же с покатившейся по земле восточной гурии слетел никаб, открывая вполне славянское лицо молодого парня с редкой порослью подросткового пуха над верхней губой.

Положив свёрток на землю, я сосредоточился на новой,

успевшей напрудить от страха лужу цели и не заметил, как из него пулей вылетело нечто змеевидное, скрывшись в кузове телеги. Наверное – зря, но об этом позже. А на тот момент у меня было и без того много дел.

Вырубив усатую Гюльчатай проверенным методом «кулак-лицо», я не стал преследовать остальных «любимых жён» китайце-француза. Мне было чем заняться, кроме догонялок с альтернативно-ориентированными в пустыне. Побросав бесчувственные тела сарацина, карлика, парня и, конечно же, тяжёлый кулёк в забитый мешками воз, я запрыгнул на козлы и, ухватив вожжи, которыми, видимо, управляли тягловым монстром, хлестнул его как обычную лошадь.

Взвыв дурным голосом, чудише понеслось вперёд со скоростью военного «Урала». Телега запрыгала на колее, и не перевернулись мы только благодаря тому, что дорога была прямая словно стрела. Когда ход более-менее выровнялся, я, забравшись в фургон, добавил кулачного наркоза начавшему приходить в себя сарацину и спеленал всю тройку по рукам и ногам найденными в кузове верёвками от очередного тента, пустив куски его ткани на кляпы.

А дальше мы ехали, ехали и ехали, пока на горизонте не появилась горная гряда, солнце принялось клониться к земле, а на пути начали попадаться редкие рощи из незнакомых лиственных деревьев. Погони, которой я опасался, не наблюдалось. Тогда я, недолго думая, завёл гужевого чудика в первый попавшийся крупный лесок и взялся за ревизию боевых

трофеев.

– Вот они, – вывел меня из задумчивости эльф, указывая вперёд, на расщелину в подступивших и закрывающих уже полнеба горах, – Врата Гердуна… Врата между пустыней и Серентией.

Узкий пролом, похоже, искусственного происхождения, пересекал гряду насквозь. На ум приходило вполне классическое и очень подходящее для подобного случая сравнение с маслом, которое кто-то рассёк разогретым ножом.

– …там, в глубине, располагается Коттай Дунсон, древняя крепость дворфов, перекрывающая вход в Королевство, – продолжал свой рассказ мой спутник, звали которого Гуэнь Шилхеньг Аи. – Сейчас она принадлежит одному из вольных баронов, подписавших коронный договор с Серентией, а потому, раз ты со мной, пропустят нас без проблем. Вот только…

Эльф как-то странно посмотрел на меня, а затем, тяжело вздохнув, полез обратно в фургон. Оттянув полог, я с интересом заглянул внутрь. Гуэнь, что-то бурча себе под нос на непонятном мне восточном языке, рылся в одном из своих мешков.

– Что только? – переспросил я, когда ожидание затянулось.

– Припусти химерала помедленнее. Дело есть… – пространно ответил он.

Гобиком в простонародье звали того гужевого монстра,

который тянул сейчас нашу телегу. По-научному химерал или просто химера. Он оказался обыкновенным жвачным животным, сродни корове, и даже давал некое подобие молока, хотя по запаху «это» скорее напоминало готовый кумыс, а по консистенции ряженку. В любом случае, в отличие от эльфа, употреблять производимую монстром субстанцию я не стал, а вот ухатый глушил её всю дорогу и в какой то момент, похоже, даже слегка захмелел.

Тягловой чудик – был искусственным существом, химерой, созданной местными умельцами при помощи магии. Не сказать, чтобы я очень удивился, услышав это слово, но и просто так взять и поверить в наличие волшебства мне было трудновато. С другой стороны – почему бы и нет, учитывая, что осознание пребывания меня, любимого, в чужом, неизвестном мире далось мне как-то на удивление легко.

Наверное, из-за подготовки и частого участия в боевых операциях, а также из-за моих собственных странностей, у меня не случилось ни положенной в подобной ситуации истерики, ни шока, который испытал бы любой гражданский окажись он на моём месте, ни долгих стенаний на тему «Как же так, как быть и что делать?» В популярной нынче фэнтези-литературе, которую я почитывал развлечения ради, на подобные душевные метания часто отводилось приличное количество страниц, даже если главный герой был, как и я, профессиональным военным.

– Нашёл, – заявил, наконец, эльф, доставая откуда-то

небольшой серый, металлический прямоугольник, размером с игральную карту и такими же скруглёнными краями. – Держи.

– Что это?

– Твоя новая инсигния. Фальшивка, конечно, но для того, чтобы обдурить приграничных, хватит и её.

– Сделаю вид, что понял тебя, – нахмурился я, принимая из рук Гуэня пластинку и разглядывая её абсолютно ровную, полированную поверхность, без каких бы то ни было узоров, на солнечном свету. – Это что, типа, биометрический паспорт?

– Био… чё? – вскинул брови контрабандист, вновь вылезая на козлы и устраиваясь рядом со мной. – А, неважно. Это почти точная копия божественного мандата, который имеется у каждого жителя нашего мира. Выглядят они, конечно, по-разному, но тот, что у тебя в руках – приписывает к низкорожденному воинскому сословию. То бишь разномастным наёмникам и авантюристам.

– И зачем он нужен? Мне его нужно кому-то показывать?

– Ну… – эльф смотал с головы свою чалму и с видимым удовольствием почесал пятернёй свой затылок, в то время как почти золотые длинные волосы водопадом просыпались на плечи. – Раз ты иномирянин, вполне логично, что ты не знаешь, что это такое. Сейчас попробую объяснить…

– Погоди, ушастый. Про ксиву расскажешь, конечно. Но меня другое интересует, – повесив вожжи на специальный

крюк, я всем телом повернулся к своему попутчику, уже скрутившему волосы в тугой клубок и сейчас активно намотывавшему поверх них свою тряпку. – Ты так спокойно принял тот факт, что я из другого мира? Ладно я сам. У меня-то всего два варианта: в панике нарезать круги по пустыне с воплем: «Мы все умрём!» или делать вид, что ничего такого не произошло и шляться туда-сюда между мирами – вполне естественное для меня занятие. Но ты-то! Местный. Закостенелый в традициях средневековой фэнтезятины дуболом…

– Слушай, Игорь, я вот не понял половину из того, что ты сказал, и подозреваю, должен бы обидеться на дуболома. Но ты серьёзно ошибаешься в одном.

– В чём же?

– Я не местный, – произнёс он и тут же поправился: – Точнее сказать, я родился в этом мире, но народ эльфов в нём такие же гости, как и ты. Когда-то давным давно народ Эльматэрацу пришёл в эти земли, чтобы править ими. С тех пор прошло много лун, отцы наши благополучно проср… все мэллорны, но тем не менее мы помним о наших корнях.

– Знакомая история. Значит, и у вас с полимерами беда…

– В общем, если тебе с детства уже два века вдалбливают, что ты потомок переселенцев-завоевателей, стоит ли удивляться, встретив ещё одного гостя. Пусть ты и не Эльматэрацу, а нечто похожее на местных аборигенов?

– Не знаю, – честно ответил я.

Наверное, встретив где-нибудь в Подмосковье гостя из другого мира, я бы всё-таки удивился.

– Тоды вопрос намба ту…

– Не понял.

– Говорю, вопрос номер два, – поправился я. – Как мы с тобой друг друга понимаем? Откуда ты русский-то знаешь? И как я понимаю её…

Я мягко постучал пальцем по оплетающей шею цепочке.

– Не знаю я твоего руксзкехемского, – тряхнул свежезамотанной чалмой эльф. – Ты говоришь на серентийском. На языке Королевства людей, в которое мы едем.

– Ты же понимаешь, что я дома даже слышать о подобном гособразовании не слыхивал?

– Понимаю, – очень серьёзно, как будто издеваясь, подтвердил Гуэнь. – Просто на тебя наложили лингвистическое заклинание.

– Ваша работа?

– Вот ещё. На какого-то голозадого чужака такие деньги и ресурсы тратить. Да и не было в таборе Барсона магов подобной направленности и достаточной квалификации. Сам я так – только видеть могу, по основному роду занятий полагается. Мои наёмные умбры и святоши с предтронья – дешёвка, те ещё рукожопы, а карлы так и вовсе магические импотенты. Ну а она – так я эту партию именно в Серентию на продажу вёз. Их из-под полы на пятьдесят весов в золоте продать можно, так что вполне может быть, что им вбили в

голову язык будущих хозяев.

– В общих чертах – понятно, – задумчиво произнёс я, поглаживая сложновитые звенья цепочки и чувствуя, как медленно зашевелились обхватывающие шею кольца. – Заклинание, значит.

– К тому же ты слишком хорошо и витиевато говоришь на серенти, чтобы это было делом рук какого-нибудь провинциального колдунишки. Обычно неучи, да и бакалавры, способны привить лингву в простейших вариациях, как, например, моим умбрам. Для того чтобы эти идиоты были мне хоть как-то полезны, я заплатил по золотому кесарину за рыло, и всё, что им смогли насадить – это деревенский говорок, с минимумом словарного запаса.

– В моём мире магии нет как таковой, – отрезал я, – не завезли.

– Значит, ты приобрёл лингву уже здесь, – пожал плечами Гуэнь. – Ты точно ничего не помнишь?

– Нет. Я очнулся в вашей арбе и думал, что меня взяли в плен Саиды из моего мира.

– «Сай-иды»? Вы что, там со своей Землёй Знаний воюете? Ну да ладно. Я могу только предполагать, но вполне возможно, что тот, кто выдернул тебя из твоего мира, и наложил это заклятие. Мы нашли тебя в тени придорожного валуна. Борсон сразу объявил находку своей законной собственностью, намеревался продать в Землях Знаний, а я не возражал – сам понимаешь, заступаться за будущего раба перед

карлой – себе дороже.

– Не понимаю, – хмуро ответил я.

– Наверное, и не должен, – буркнул себе под нос эльф. – Не злись. Эти коротышки те ещё гады. Мне ссориться с ними было не с руки.

– Я чего понять не могу, – задумчиво произнёс я, – так это почему они меня нормально не скрутили. Связали бы руки за спиной – я бы в жизнь не освободился…

– Да дикие они! Большинство в таборе совсем недавно из цвергов вышли. Ни хрена не знают, а спросить слишком гордые. Под себя вязали.

– В смысле под себя? Подожди, ты же их карлами звал? А самоназвание цверги?

– Нет. Народ этот раньше называл сам себя дворфами, но теперь так могут называть себя лишь самые достойные и уважаемые. Вообще, всем скопом их величают карликами. Гнилое племя. Большая часть – дикие и необразованные. Живут в горах, именуют себя цвергами. Такие как Борсон – карлы. Презренные изгои или беженцы, покинувшие своё племя ради лучшей доли. Они не имеют права носить волосы на голове и бороды, а также иметь при себе боевое оружие. Кочуют в таборах по всему миру, воруют лошадей, гадают и никогда не оседают в человеческих поселениях. Потому как в городах живут карлики, именуемые гномами, и именно из их среды выделяются настоящие дворфы. Назвать городских карлами или предложить сбрить бороду – значит, нанести

смертельное оскорбление.

– А те панки?

– Кто?

– Ну – крашеные коротышки, которые были среди тех, кто напал на ваш караван.

– А… эти-то. Это краснолюды – конченые ублюдки. Боевые мужеложцы, нашедшие пристанище в Святой Земле. Престол Предтеча пускает к своему подножью только мужчин-карликов, не позволяя им заниматься ремёслами и прикасаться к женщинам. Если цверг или карла пожелает остаться в благой стране, ему придётся ещё на границе либо принести в жертву одну из женщин своего племени, либо оскопить самого себя. Как ты понимаешь, чаще всего выбирается первое, крадётся ребёнок, девица или старуха, чик и… ну, а там уж новоявленные святоземельцы развлекаются, как умеют. В конце концов, кастратам вообще всё равно, за кого их считают новые соплеменники.

– Гномики-гомики… – меня аж передёрнуло, а цепь на шее, видимо уловив мои мысли, опять зашевелилась. – И что – неужели кто-то, в здравом уме и твёрдой памяти, пойдёт на такое?

– Находятся желающие, и немало. Преступники, которым никуда более хода нет, мразь разная, да и те есть, кто просто пахать всю свою жизнь не хочет, а железом помахать не против. Я ж говорю – дикие они!

– М-да.

– И то, как тебя связали – в этом все карлы! Что с них взять, – отмахнулся Гуэнь. – Они, видать, тебя скрутили как «своего». По привычке. У карликов-то руки за спиной не сводятся, да и порвёт он обычные путы – вот и вяжут их с петлями через шею, чтобы, если дёргаться начнёт, узел его сразу удушил.

– Понятно, – я повертел выданную мне металлическую пластинку в пальцах. – Так что мне с этим-то делать?

– Капнуть кровью на вот эту сторону и подождать минут пять, – эльф, протянув руку, постучал по одной из сторон карты. – Инсигния, конечно, фальшивая, но сработана неплохо. Сойдёт для сельской местности. Нож дать?

– Обойдусь, – ответил я, не желая экспериментировать с чужим, далеко не стерильным, а то и вовсе отравленным оружием, и поднес палец к своей цепочке. – Эй, Юна, ты слышала? Ну-ка куси.

Маленькие острые зубки почти безболезненно прошили кожу, и на подушечке выступила крупная рубиновая капля. Я надавил вокруг ранки, словно врач, берущий анализы, выжимая из себя побольше крови, и крупные капли упали на серый металл карты. Без особых стеснений запихнув пораненный палец в рот, я принялся наблюдать за тем, как алая жидкость вначале без остатка впиталась в поверхность, а затем словно серая мгла заклубилась внутри металла, и на нём медленно начал проступать некий рисунок.

– Зря ты не отдал мне её, – покачал головой эльф, и в его

глазах сверкнул нехороший огонёк. – Тебе она без интереса, а я и так потерял такие деньги, какие ты никогда в жизни не видел!

– Ты, ухатый, и представить себе не можешь, какие деньжищи я видел в своей жизни, так что не балаболь о том, о чём не имеешь ни малейшего представления, – не отрываясь от интересного зрелища и не вынимая палец изо рта, отбрил я собеседника.

– И всё же, может, отдашь её мне? Ты даже не представляешь, какие это коварные твари!

– Тема закрыта, – нахмурился я, обрывая нытьё долгожителя.

– Закрыта! – подтвердил мои слова задорный девчачий голосок, от которого эльфа прямо-таки передёрнуло.

– Ну и пёс с вами, – вновь надулся Гуэнь и отвернулся, делая вид, что его очень заинтересовала очередная лесополоса, почти такая же, как и та, в которой мы провели предыдущую ночь.

Поглаживая тоненько попискивающую цепочку на шее, я вновь погрузился в воспоминания, дожидаясь, пока на карте, наконец, сформируется рисунок, и глядя на пышную растительность, мимо которой медленно ползла наша телега.

Среди боевых трофеев, доставшихся мне вместе с телегой, среди множества знакомых средневековых и совершенно непонятных вещей нашлись и еда, и питьё, и даже какие-то восточные сладости, завёрнутые в хрустящую бумагу,

очень похожую на чертёжную кальку. Утолив первый голод и проинспектировав свою собственность, я занялся пленниками.

Карлик, так и не пришедший в себя, бессмысленно вращал глазами и пускал ртом кровавые пузыри. Юнец в женских тряпках лопотал что-то на гортанно гыкающем языке, закатывал глаза и трясся, словно осиновый лист на ветру. Я категорически не понимал, что он там бормочет, а он, похоже, готов был упасть в обморок, стоило мне бросить на него косой взгляд.

А вот сарацин спокойно сидел там, где я его положил, разве что был чрезвычайно недоволен тем фактом, что я обыскав его с ног до головы, удалил из многочисленных потайных кармашков все колюще-режущие предметы. Он-то и оказался первым действительно шокировавшим меня объектом в этом мире – эльфом со странным восточным именем Гуэнь, которое в его произношении звучало скорее как «Уэнни». Более того – я действительно мог с ним общаться, но только после того как я нарушил многочисленные конвенции по правам военнопленных, и он наконец-таки соизволил заговорить со мной.

Правда, для начала я всё равно мало что понимал. Он нёс какую-то околесицу, которая на первый взгляд показалась мне латынью, – но постепенно незнакомые слова начали звучать как-то привычно, по-русски, и уже минут через пять я был способен вести с ним осмысленный диалог.

Гуэнь оказался тем ещё типом. Конечно, для начала он дежурно поездил мне по ушам, рассказывая байки о «честном торговце» и прочую лабуду, поверить в которую мне было бы трудно, даже будь я уже знаком с этим миром. Но я-то выспрашивал ориентировки на известные мне объекты, в твёрдой уверенности, что всё ещё нахожусь на Земле, где-то на Ближнем Востоке, всё больше и больше греша на то, что меня каким-то неведомым образом вывезли в Турцию или Палестину. И какая разница, что у моего собеседника длинные уши. Эти земли в последнее время притягивали к себе ещё не таких фриков.

Естественно, меня не устраивали его рассказы об эльфах и прочей ереси. Мы категорически не понимали друг друга, Гуэнь врал, я не верил и начинал уже подумывать о столь любимых ЦРУшниками жёстких методах ведения допроса. Ведь если так рассматривать мою ситуацию – чего мне, собственно, было терять, уже прикончив семерых человек не далее как пару часов назад.

Решив сделать перерыв, почувствовав опять надвигающийся голод, я вернулся к разведённому мною ранее, по всем правилам маскировки, костерку. Хотел было прикончить начатый ранее окорок, когда увидел её, и вот тогда уже понял, что «ж-ж-ж» про эльфов неспроста, а я, скорее всего, совсем не в Турции и даже не в Палестине.

В корзине, где я оставил остатки окорока, сидела девочка. Ну как… не совсем сидела и не совсем обычная девочка.

Очередное чудо-юдо. Маленькая розовая змейка сантиметров сорок пять в длину, плавно переходящая в обнаженное тельце красивой, как куколка, девчушки с нежно-розовыми волосами и огромными глазищами. Свившись в несколько колец, деваха упоённо хомячила мой окорок, глядя на мир подёрнутыми поволокой зенками.

Даже когда я в недоумении склонился над этим хвостатым киндер-сюрпризом, а она, задрав голову, посмотрела на меня, змееныш ещё с минуту автоматически уплетал мяско, хлопая глазками с видом эксперта-гедониста, и только потом до неё дошло, что вернулся настоящий хозяин нямки. Глазёнки превратились в две копеечные монетки, ручки разжались, роняя недоеденное лакомство, создание заметалось туда-сюда, в попытке сбежать, а затем, пискнув, превратилось в шикарное драгоценное колье.

Любопытство – страшная штука. Попытки расшевелить драгоценную безделушку пальцем – успехом не увенчались. На слова она тоже не реагировала, как и на крупный кусочек мяса, отрезанный мной от самой жирной и нежной части окорока. И тогда за дело взялась солдатская смекалка и то, против чего, по моему опыту, не была способна устоять ни одна женщина – сладкое.

Сделав некое подобие гнезда из более-менее чистой ветоши и переложив в него поблескивающее в свете костра колье, я распаковал завёрнутую в кальку сладость, стараясь, чтобы сахарные крошки падали на побрякушку, принялся отщипы-

вать приторные кусочки, один за другим отправляя их в рот. Более того, несмотря на то что сладкое я не любил, я жмурился от удовольствия, вслух описывая, что такое вкусное лакомство мне, наверное, придётся выбросить, потому как мне некого им угостить. А вот если бы рядом была некая маленькая девочка с розовыми волосами и змеиным хвостиком, то я бы…

«Дай! Мне дай! Юне дай!» – услышал я и, приоткрыв один глаз, увидел тянущиеся ко мне маленькие ладошки, распахнутые ярко-фиолетовые глазки и дрожащий от нетерпения хвостик.

– Готово! – возглас эльфа выбил меня из размышлений, ушастый прямо-таки лучился дружелюбием. – Всё в порядке. Поздравляю с получением собственной инсигнии!

Кинув быстрый взгляд на Гуэня, я поднял карточку. Металлическая поверхность не просто изменилась, а полностью преобразилась. Покрытая глазурью картинка изображала очень реалистично нарисованного меня, в доспехах, похожих на древнеримскую сегменту лорику, стоящего на холме и замахнувшегося молотом на восходящее солнце. Внизу на ленте располагалась надпись: «Mercennariorum percussorem». Поросячья латынь – к бабке не ходи!

– И… что это? – спросил я, перевернув карточку, тупо глядя на появившийся на обороте текст, написанный всё на том же языке. – Что мне теперь с этим делать?

– Носи с собой, – беззаботно ответил мой попутчик, –

только перед церковниками не свети. Это что-то типа отображения твоего я – обязательного для всех жителей нашего мира. Фальшивка, конечно. Я такие для моих умбров хранил. Она даёт тебе право называть себя свободным воином, наёмником, родом из Серентии, по праву владеющим молотом.

– А теперь расшифруй мне всё, что ты только что сказал, – попросил я.

– Что тебе не ясно-то? – удивился и, похоже, обиделся Гуэнь.

– Я хочу знать, где и что из сказанного тобой отображено на картинке, – пояснил я свою мысль.

– Ну, это-то просто, – ненатурально дружелюбно улыбнулся эльф.

Глядя на его выражение лица, я никак не мог выбросить из головы ощущения, что ушастый, если бы мог, то в любой момент всадил бы нож в спину. Но я, а точнее змейка по имени Юна, лишили его не только такой возможности, но даже шанса навредить мне.

Наевшись сладкого и довольно рыгнув, малышка почти мгновенным броском забралась мне на плечо и, довольно попискивая, поцеловала в щёку. Я даже не успел среагировать, да и чувство опасности не давало о себе знать.

«Ты мо-о-ой! Навсегда-а-а!» – прошептала она и, мурча, словно мамкины коты, обвилась вокруг шеи, превратившись в то самое драгоценное колье, а затем, когда я подумал, что

выгляжу как-то неправильно, обвешанный женскими украшениями, – вдруг преобразилась в толстую, довольно стильную мужскую цепь, которую, если я не ошибаюсь, видел в одном из московских бутиков на Тверской, по которым меня таскала Танюшка во время своих редких набегов на родину.

А дальше был новый разговор с Гуэнем, с наглядной демонстрацией орудий, пригодных для ведения процедуры «жёсткого допроса». Собственно, именно это и сломало эльфа. Он признался мне в противозаконной деятельности против Королевства Серентия, на что мне было, собственно, откровенно начхать, и торговле некими артефактами. А затем медленно, но верно мы пришли к идее взаимовыгодного сотрудничества.

Неожиданность случилась, когда мы договорились, и я уже освободил псевдосарацина. Мы обменялись рукопожатиями, скрепляя договор, но Юна, соскользнув с шеи, вдруг ни с того ни с сего впилась в запястье Гуэня. Нас как будто пробило током, а змееныш как ни в чем не бывало уже устраивался на своём прежнем месте.

А вот эльф спал с лица, и я, наверное, в первый раз подумал, что девчонка-то, вполне возможно – ядовита. Но всё оказалось намного сложнее. Переждав истерику, в которую впал экс-сарацин, – я выяснил, что наобещавший мне много чего, а в частности, безопасность и половину выручки с продажи товара, контрабандист был запечатан девчонкой на выполнение данного контракта. А если не выполнит, мои

мысли – в которых я обещал ему скоропостижную встречу с предками – материализовались бы сами собой.

Уже потом Гуэнь, слёзно плача, то угрожая с безопасного расстояния, то умоляя вернуть ему его собственность, рассказал мне о Юне. Девчушка была неким монстриком – под названием «псевдо-ламия», продуктом противоестественного союза человеческой женщины и нага, живущих где-то далеко-западе. Могучий телепат, эмпат и прочая, прочая мозговёртная белиберда, такие как она тайком вывозились на восток, в другие земли, где и продавались богатым людям. А ценились они в первую очередь за свою способность, называемую в королевстве «нотариус» – возможность скрепить договор неразрывными узами, способными даже убить проштрафившегося компаньона.

Эльф долго ныл, просил вернуть ему его товар – ведь он вёз четыре такие змейки, рассчитывая поднять с них целое состояние. Но я был непреклонен. Какой нормальный мужик откажется от такой цацы. Потом Гуэнь начал давить на жалость и на то, что джентльмены верят друг другу на слово. Пришлось объяснить, что я не джентльмен, а господин, такой же, как и миллионы простых парней с трудных районов больших городов, и меня вполне устраивает текущее положение дел. А после того как, воспользовавшись тем, что я отвлёкся, эльф взял да и зарезал связанных юнца и карлу, и вовсе следует дать ему в бубен и потребовать возмещения в виде ещё энного количества процентов.

– Смотри – картинка читается так, – голос эльфа вновь вернул меня в реальность.

Интерлюдия 2
Гладь

Приокско-Террасный государственный природный биосферный заповедник, расположенный рядом с местечком Данки в Серпуховском районе Московской области, является одной из самых маленьких природоохранных зон в России. Гостей леса встречает огромный жутковатый пень с человеческим лицом и сформированным корнями ртом, растянутым в беззвучном вопле ужаса. Он чем-то напоминает фигуру человека с картины «Крик» норвежского художника-экспрессиониста Эдварда Мунка, заставляет нервничать взрослых людей и пугает детей.

Непростое это место. Всякая ерунда творилась на этой заповедной территории с самого момента её создания в далёком 1945 году. Многое могли рассказать и местные жители из деревень Лужки, Зубриево, Севушки, Республика, городков Пущино и Серпухов. Различные паранормальные явления, вроде огней в лесной чаще, были вполне обычным и даже уже в чём-то обыденным явлением. Но случалось людям видеть в лесу и такое, от чего волосы становились дыбом. Поговаривали о том, что видели там настоящих чудовищ, странных животных и даже гуманоидов, а холодящие душу звуки, доносящиеся из трущоб, заставляли дрожать ко-

лени у самых смелых и матёрых мужиков.

Но то было при Советском Союзе, а в середине девяностых годов прошлого века случилось «Нечто». Многие помнят тот день. В середине июня, часа в четыре ночи, вдруг затряслась земля и отключился свет. Грохот стоял страшный и сопровождался жуткими вспышками. В домах повылетали все стёкла, падала мебель, а животные будто взбесились и орали как резаные.

Люди в панике выскочили на улицу и с ужасом увидели, как в центр заповедника, одна за другой с бурлящих небес бьют мощнейшие молнии. А затем, минут через пять, всё резко закончилось, замигав, включились лампы, и район левого берега Оки погрузился в полную тишину.

То утро принесло новые напасти. Над лесом то и дело в нарушение всех запретов на низкой высоте барражировали боевые вертолеты. Заповедник словно гребёнкой прочёсывали вооружённые группы солдат с собаками, ведомые бледными, как мел, лесниками. По деревням суровые и неприметные личности опрашивали перепуганных людей о случившемся, задавая порой какие-то совсем уж странные вопросы. Недели через две всё улеглось, любопытство пересилило страх, и смельчаки потянулись в заповедный лес, чтобы своими глазами посмотреть, что же там всё-таки произошло. Но к своему вящему разочарованию, не нашли ничего, и только старожилы заметили небольшое озерце, появившееся на одной из полян, где его отродясь не было.

А через месяц Приокско-Террасный заповедник объявили особым режимным объектом закрытого типа. В лесу появились патрули, которые без каких бы то ни было объяснений разворачивали людей, а особо любопытных и непонятливых так и вовсе винтили и увозили в неизвестном направлении. Быстро и без лишнего шума сменилось руководство природоохранной зоны, а где-то там в глубине леса развернулась грандиозная стройка.

Местные жители начали было роптать, и даже пожаловались одному известному крикливому депутату, лидеру одной из популярных в то время партий. Но его посещение нового руководства заповедника, обставленное по всем правилам шоу-политики, закончилось позорным бегством под объективами десятков привезённых им же журналистов. Впрочем, в те времена мало кто заботился о нуждах и чаяньях простых людей, а потому местные в скором времени смирились с новыми порядками.

Прошло полтора десятка лет, и случившееся позабылось, к тому же у страны хватало множества других проблем, более насущных для простых обывателей, чем некий закрытый объект в подмосковных лесах. Один из сотен тысяч, разбросанных по всей нашей необъятной Родине. К тому же произошедшему инциденту дали научное объяснение: что-то там связанное с магнитными полями Земли и аномальными атмосферными процессами, вызванными очередной мощной вспышкой на солнце.

С новой силой о странном заповеднике заговорили в 2010 году, с подачи так называемых «защитников Химкинского леса». Кто-то из блогеров раскопал информацию об инциденте и начал рыть по сети, выискивая следы очередного экологического преступления кровавого режима.

Информация оказалась обрывочной. Кто-то говорил, что в глубине леса развёрнуто какое-то ядерное производство. Кто-то – что там секретная тюрьма для «политических». Дескать: кум друга его троюродной тётки часто видел, как перед рассветом туда машины с зеками заезжают. Но больше всего блогера заинтересовали измышления о том, что в глубине Приокского заповедника располагается дача одного из крутых олигархов. А может быть, тот самый – давно искомый оппозиционерами дворец «Самого»! Ведь по сообщениям местных, там часто видят дорогие иномарки, а если удастся зайти в самую чащу, то можно увидеть высоченный забор. Вот только подходить к нему не стоит.

На место, показавшееся ещё одним замечательным медийным поводом для давления на власть, перед предстоящими через два года президентскими выборами, выехал целый десант из представителей природоохранных некоммерческих организаций, правозащитников, блогеров и журналистов. Сопровождали их, как это обычно бывало в те годы – «активисты». Крепкие молодые ребята спортивной наружности с одинаковыми рюкзачками, кепками и нашейными платками, которые при необходимости легко превраща-

лись в маски.

Несколько дней под объективами телекамер гости пикетировали Данки. Ездили с плакатами типа: «Приокский заповедник – достояние народа!» и «Руки прочь от “Русского Леса”!» по деревням и городкам. Баламутили народ, а затем, когда к протестующим подключились западные журналисты, решили прорваться на объект.

Что случилось дальше в самом лесу – никому не известно. Целые и невредимые все участники акции в защиту «Приокского Заповедного леса» вернулись в Москву, и как ни старались друзья и соратники вытянуть из них хоть слово о событиях того дня, молчали как рыбы, непонимающе хлопая глазами. Отснятые же журналистами кадры в основном содержали пасторальные лесные пейзажи, улыбающихся блогеров и нюхающих цветочки «активистов».

Какие-либо массовые выступления в этом месте больше не проводились, люди просто наотрез отказывались туда ехать, ссылаясь на собственную занятость и бессмысленность данной затеи. Впрочем, не все отказались от планов найти-таки дворец «Наитемнейшего», и вскоре в затихших было после протестных акций деревнях начали появляться незнакомые лица.

Больше всего среди них было худых до прозрачности юношей в потянутых женских свитерах, лишь вблизи отличимых от девушек, и мужиковатых бабёнок, внешне являющихся их полной противоположностью. Впрочем, таких же крикливых

и напористых. И те и другие только и делали, что снимали всё на телефоны, видеокамеры и фотоаппараты. Тратили кучу денег и задавали местным странные, порой провокационные вопросы.

Едва завидев участкового, все они начинали громко кричать о свободе слова, демократии и произволе властей. Чаще всего представитель власти сам сбегал на своём, видавшем виды «уазике», что порождало у «победителей» бурю восторга, обычно заканчивающуюся банальной пьянкой. Чему-то более существенному мешал коварный деревенский самогон, косивший ряды «юношей бледных, со взором горящим» почище любого ОМОНа. Бабёнки же от него, наоборот, стремились разнообразить свою интимную жизнь, за что бывали биты местными красавицами, и тут же бежали к несчастному участковому писать заявления.

Однако многие из гостей быстро сворачивали свои любительские расследования и сбегали обратно в Москву. Ведь ходили по округе устойчивые слухи, что там, за рядами колючей проволоки, контрольно-следовой полосой и высоченным забором, украшенным проводами под напряжением, находится особая спецлечебница. Кое-кто даже своими глазами видел, как съезжали с трассы «М2» на хорошую асфальтовую дорогу, ведущую в глубину заповедника, сразу две, а порой и по три кареты «скорой помощи».

Но кого привозили на них, зачем и почему – оставалось тайной. Особенной жути ей добавляли суровые военные на

КПП, причём не сопливые мальчишки-срочники, а матёрые волкодавы, увешанные оружием по самую маковку. Да и автоматические турели на стенах, которые удалось заснять одному из питерских фотографов-экстремалов, не добавили народу желания продолжать испытывать терпение властей и, главное – рисковать в дальнейшем своей шкурой. Так что, накатав пару статей о том, что: «…в Приокском заповеднике режут людей на органы и проводят запрещённые в России процедуры карательной психиатрии», и посмотрев на то, как они, даже не попав в ленты новостей, были удалены в течение каких-то полутора минут, блогеры засобирались по домам. Заповедник с его режимным объектом и тайнами забыли ещё на долгие восемь лет.

И тем не менее. Попади сегодня кто-нибудь за тот высокий забор, ограждающий несколько гектар территории леса, ему открылась бы пасторальная картина классического дворянского поместья, окружённого прекрасной природой. В центре парка возвышался хозяйский дом, двухэтажный особняк с внутренним двориком и колоннадой. Большой и просторный, он выглядел так, будто бы целиком перенёсся из века так восемнадцатого. Но и высокие, широкие окна с тройным стеклопакетом, и другие самые современные материалы, использованные при его строительстве, выдавали в здании новодел. Об этом же буквально кричали ящики сплит-систем, многочисленные антенны, коробы и вытяжки, впрочем, довольно органично вписанные в общий экстерьер

этого места.

Неподалёку, через мощенный дорогой брусчаткой двор, в центре которого возвышался фонтан с мраморной статуей античной богини, отдыхающей рядом с каскадом, льющимся из кувшина её сестры, находилась небольшая конюшня и примыкающая к ней крытая левада. Но и она и различные хозяйственные постройки, разбросанные по всей территории, буквально утопали в пышной берёзовой листве. И лишь одна часовня, установленная на небольшой поляне, выделялась ярким белым пятном, сверкая позолотой луковки.

В залитой закатным светом, падавшим сквозь большие арочные окна, комнате находились двое. Один – пожилой, но всё ещё крепкий, словно бы высушенный солнцем мужчина с острыми чертами изборожденного старческими морщинами лица. Именно они и глаза, всё ещё яркие, но при этом глубокие и мудрые, позволяли понять, что он намного старше своего возраста.

Одетый в строгий костюм, с аккуратно уложенными седыми волосами, он казался неким «крёстным отцом» из одноимённого фильма. Именно этот образ приходил на ум при первом взгляде на него, когда он сидел в своём кресле и, дымя толстой кубинской сигарой, неспешно наблюдал за тем, как его кабинет меряет мечущаяся туда-сюда, словно львица в клетке, девушка, разговаривая при этом по затейливому спутниковому телефону.

– Меня не интересуют твои оправдания, Алойз! Мне ин-

тересны только факты, – несмотря на лёгкую нервозность в движениях, говорила она спокойным, почти ледяным голосом, от которого так и веяло властью. – А они говорят о том, что вы просрали моего брата! Что сложного было в том, чтобы обеспечить надёжное прикрытие его группе? Но даже с таким плёвым делом вы в результате не справились! И не надо сваливать на случайность. В вашем лексиконе такого слова попросту быть не должно. Всё! Выдвигайтесь на базу и ждите дальнейших распоряжений. И знай, Ал! Я тобой очень недовольна. Вот и подумай над этим.

Она сложила антенну и, бросив трубку на столик, стоящий между креслами, сбоку от рабочего стола старика, и села в одно из них.

– Ты слишком нервничаешь, – с лёгким намёком на ухмылку произнёс хозяин кабинета. – Постарайся оставаться спокойной не только внутри, но и снаружи. Даже если тебя не видят, собеседник может услышать твой топот, и он ему многое расскажет о твоём истинном состоянии.

Яркое вечернее солнце озарило красные волосы его собеседницы, заставив их словно бы засветиться изнутри. Нахмуренный лоб и глубокие тени от сведённых бровей делали её красивое лицо не только серьёзным, но и очень привлекательным. Всё это мужчина отметил за те пару секунд, пока девушка, прислушавшись к его словам, успокаивалась после выволочки подчинённым.

– У моих нет информации, что конкретно случилось с

Игорем, – заговорила она уже совершенно другим, своим настоящим, мягким, но сильным голосом. – Близко подходить они не рисковали, он мог засечь их группу даже под магической маскировкой.

– Это точно?

– Да. И это чуть было не закончилось печально для обеих групп.

– М-да… мальчик растёт, – пробормотал себе под нос старик.

– Сейчас в том районе сирийской армией проводится крупная операция. Столько солдат нагнали, что мышь не проскочит. Так что знают не больше нашего, разве что фон замерить сумели…

– И что?

– А ничего! Алойз, Машка его за ляжку, говорит, что прибор с ума сходит. Там же Палестина в двух шагах… Помнишь, что с тестовым устройством ИПФ-03 в Вифлееме произошло. Разорвало к чертям собачьим.

– Измеритель проникающих фонов штука чувствительная, – с лёгкой улыбкой произнёс дед.

Естественно, он помнил тот случай и то, как рванувший прямо в руках его израильского агента прибор чуть было не спровоцировал очередное обострение Израильтяно-Палестинского конфликта. И тем не менее проверить прибор в сложных вифлиемских и назаретских условиях было крайне необходимо для создания полноценной рабочей версии.

– Вернутся, повыгоняю! Потом возьму на работу и снова уволю! Отправлю, вон… рисовые поля навозом удобрять, – продолжала накручивать себя красноволосая красавица. – Мастера тайных операций… рыцари-маги, блин. Даже с простейшим заданием справиться не могут!

– Не стоит принимать непродуманных решений, – сделав ещё одну глубокую затяжку, старик положил сигару на бортик пепельницы и отвалился на спинку своего кресла. – Подождём… Послушаем, что скажут военные. Зря ты так с ними про «случайности», особенно если мы говорим о войне. Отбрасывать их никогда нельзя. К тому же, в случае Игоря, всё ещё может быть совсем не так критично, как кажется. И ты знаешь это лучше меня.

– Это говорит тот, кто позвонил Софье и сообщил непроверенные данные, – вскинула девушка руки в театральном жесте отчаяния. – А ведь я говорила, что не нужно этого делать! Она наверняка уже рассказала моей матери. Да и Алина после полигона как раз к ним собиралась. Вот только представь, что они себе уже навыдумывали! А мы, можно сказать, ничего не знаем…

– Таня… Мать Игоря – умная женщина. А Тариэнь – тем более. И просто так они паниковать не будут. К тому же пойми. Скрывать от неё произошедшее – недопустимо.

– Да знаю я, что это себе дороже, – девушка тяжело вздохнула. – Потом не отмоешься… К тому же я не говорила, что нужно что-то скрывать! Но, на мой взгляд, следовало полу-

чить подтверждение. Да и вообще, хорошо бы точно узнать, что произошло, а только потом звонить. Но что сделано, то сделано.

– Ты действительно хотела бы, чтобы Софья узнала о случившимся из телевизора? – усмехнулся мужчина.

– Нет… – обречённо покачала головой Татьяна.

Разговор прервал короткий стук в дверь. После разрешительного «да» в комнату вошла молодая девушка в строгом брючном костюме. Но даже он не мог скрыть некую странную гибкость фигуры и какую-то нечеловеческую пластику её движений. Прямые длинные чёрные волосы, ничем не сдерживаемые и водопадом ниспадающие почти до самых икр, в комплекте с немного раскосыми глазами и холодным, словно остановившимся взглядом, довершали её образ настоящей королевской кобры, встретившей неожиданную опасность. Словно бы она следит за тобой своим пристальным змеиным взглядом, но стоит её потревожить, и ты увидишь во всей красе распущенный капюшон, а тихое шипение подскажет, что любое твоё неосторожное движение может оказаться последним.

– Господин! Госпожа! Гости прибудут в течение десяти минут на минус третий уровень. Также только что охрана сообщила, что на территорию въехали госпожа Нечаева с госпожой Залесской.

– Вот и накаркали… – крякнула Татьяна. – Они что, на машине примчались? Ты что-то там говорил про разумных

женщин?

– Не гуди… – отмахнулся старик. – Просто надо сказать Линке, что её малышка не выдержит таких издевательств. Тут вам не там. У нас не Италия и не Швейцария. По нашим трассам на танке можно носиться, но никак не на «ламборджиньке»…

– Нормальная там дорога. Не веришь, подними дрон да посмотри сам, – хмыкнула девушка. – Но как же мне хочется сказать: «А я тебе говорила!» Но не буду тебя нервировать, дедушка. Выдержка тебе сейчас ой как понадобится. Эрия!

– Да, госпожа!

– Мы идём встречать гостей, – задорно произнесла Татьяна, поднимаясь со своего кресла, подойдя к зеркалу и быстро поправляя платье и причёску. – Не будем мешать родственникам. Всё готово? Не забыла, что мы уходим с ними?

– Нет, госпожа. Я всё помню.

– Хорошо. И не расстраивайся ты так! – улыбнулась она, глядя в холодные глаза собеседницы. – Найдём Игоря, вернёмся и устроим ему в наказание неделю отвязного шопинга!

– Как скажете, госпожа, – голос Эрии слегка дрогнул, хотя трудно было сказать – действительно она чем-то расстроена или нет.

Переговариваясь на ходу, девушки покинули комнату, оставив старика в одиночестве. Внешне он казался совершенно спокойным, но затаившееся в глазах напряжение могло бы подсказать давно знающим его людям, что предстоя-

щая встреча хоть немного да взволновала его. Софья, в отличие от своих детей, бывала здесь только раз, ещё до рождения Игоря, когда на месте был только лес да дикое озеро. И хотя он звал её к себе в гости, и не раз, она всегда находила вескую причину для отказа. Так что старик отдавал себе отчёт, что вряд ли она приехала, если бы не беда со старшим сыном. С его любимым внуком.

Слишком страшные воспоминания она вынесла когда-то оттуда, слишком стремилась всё забыть, почувствовать себя… обычной.

Да, именно это слово лучше всего характеризовало то, чего на самом деле желала эта женщина. Стать обычной. Обычной матерью, обычной женой, обычной домохозяйкой. Забыть своё прошлое, как будто его и не было, потому как такого не могло быть никогда!

Вот уже более двадцати лет она жила, дышала и надеялась, что нет и не будет больше никакой мистики. Никаких других миров, магии, фантастических рас и прочего, с чем так неразрывно была связана ныне фамилия Нечаевых.

Несмотря на стремление спрятаться в уютной раковине, мужчина уважал Софью. Все переживания не сломили характер, который то и дело прорывался сквозь выбранную ей для себя роль короткими, но невероятно яркими вспышками. Как вот этот приезд, вместе с Алиной, третьей официальной женой его сына Данила – «Чёрного Герцога», как называли его там, за Гладью… Точнее с Тариэнь, одернул себя

старик. А то… глядя на неё сейчас, так легко и самому поверить в то, что она человек.

Двери в комнату распахнулись без стука, впуская в кабинет двух рассерженных женщин.

– А я тебе говорю, что твой муж – кретин! – возмущалась Нечаева. – Антон не попал бы в каталажку, нам не пришлось бы возвращаться с полпути и вытаскивать его из отделения. Вот тогда бы у нас не было проблем с гибдэдэшниками и мы приехали бы сюда гораздо раньше!

– И… тем не менее! Это не повод гнать с такой скоростью. Да ещё по нашим дорогам, – яростно сопротивлялась Залесская. – А как ты фуры обходила? Я думала, поседею от страха!

– Быстрая машина нужна, чтобы ездить быстро! – отрезала Алина. – И не забывай, я всё-таки не человек! Скорость реакции у меня вдвое выше. Так что, уверяю тебя, дорогая, никакой опасности не было. Мой «ламбик» – прекрасная коняшка! Или ты действительно хотела посмотреть, как я гоняю ночью?

– Боже упаси! – содрогнулась Софья, представив себе сию перспективу.

Обиженно хмыкнув, Алина отвернулась от подруги. Облик этой женщины почти не изменился, вот только слегка растрепалась грива золотых волос, к тому же сквозь пряди проступали кончики заострённых ушей, гораздо более длинных, чем человеческие. Обычно от посторонних наблюдате-

лей она скрывала их при помощи простенького заклинания из школы магии иллюзий. В этом же доме Алина Нечаева, или эльфийка Тариэнь Лунь-Нечаева, не считала нужным от кого-то таиться. Чужих здесь не бывало.

– Дамы, добрый день! – поприветствовал вошедших женщин старик, поднявшись им навстречу из своего кресла. – Софья, я очень рад наконец-то видеть тебя в своем доме, хотя понимаю, что поводов для радости сегодня немного. Но… могу ли я узнать, что там за история с Антоном?

– Да там ничего такого… – игнорируя возмущённый вскрик Софьи, даже не успевшей открыть рот, ответила златовласка.

– Алин!

– …как всегда отличился Ипполит со своей двинутой тусовкой, – не дожидаясь приглашения, Тариэнь по-хозяйски уселась в одно из гостевых кресел и, подхватив из вазочки сочную виноградную ягодку, отправила её себе в рот. – Он потащил Тоху на сходку в какую-то хипстерскую рыгаловку, а вот беда – ультрас гуляли. Из какого они клуба, я не запомнила, да и не суть важно!

– Ультрас в хипстерской забегаловке? – вздёрнул бровь хозяин кабинета.

– А им тоже приспичило пообщаться с восходящей звездой российского либерализма и будущим отцом русской демократии, – фыркнула эльфа. – А если серьезно, то их кто-то с собой притащил в качестве весомого политического ар-

гумента. Как ты понимаешь, без драки не обошлось. Администрация вызвала полицию…

– А где была охрана Антона? – посуровел дед.

– Бодиков, как классово враждебных Ипполитушке элементов, в зал не пустили. Они ждали на улице, и когда до них дошло, что происходит что-то не запланированное программой мероприятий, всё собственно уже завертелось. Пока бойцы прорывались сквозь толпу, мальчик успел отхватить по лицу. Они начали вытаскивать ребёнка, стараясь не калечить представителей того и того вида интеллигенции, и практически преуспели в этом, но тут прикатили космонавты из ОМОН.

Софья, прикрыв раскрасневшееся лицо ладонями, уселась в соседнее с Алиной кресло, и старик поспешил поставить перед ней стакан с тонизирующим напитком.

– Если первых пару-тройку бойцов бодрые хранители тела положить успели, то потом их банально задавили массой. А оружие ребята применять не отважились. В итоге вся компашка оказалась в отделении, и только там они смогли продемонстрировать свои удостоверения бойцов ФСО. А так как единственно ответственное за мальчика лицо буйствовало в соседней камере, проклиная сатрапов режима, и упоённо делало селфи с себе подобными, Тоху, естественно, никуда не отпустили. Начали звонить Софье. А мы в этот момент уже полдороги проехали и находились около Подольска. И вот представьте! Нам пришлось мчаться назад, забирать Тош-

ку с охраной, хорошо ещё Ипполинтуса Софьюшка оставила страдать за демократию. Отправили бодиков их к Регине с Алиской и только потом рванули сюда. Ну и понятно, что я торопилась…

– Антон в порядке? А Ипполиту я сделаю внушение, чтобы прекратил таскать ребёнка на сходки своих рукопожатых друзей.

– Егор Степанович, со своим младшим сыном, равно как и с мужем, я разберусь сама! – подала, наконец, голос Залесская, так и не притронувшаяся к своему стакану. – Я приехала к вам, чтобы узнать о судьбе старшего. Почему в министерстве мне ничего не сказали про него по телефону? Где Игорь? Что с ним? Я имею право знать!

– Подробности мне пока неизвестны, – как можно мягче ответил старик, – был бой, в Игоря попала граната. Но никаких подтверждений его смерти нет. Собственно – все, что я знал, сказал тебе по телефону.

Хозяин кабинета замялся, а затем, посмотрев на увлажнившиеся глаза женщины, задумался на пару секунд и сказал:

– Это, конечно, неправильно и противоречит всяким регламентам, но…

– Что? – вскинулась Софья.

– У тебя есть возможность узнать последние данные практически из первых рук, – и увидев, что подступающие слёзы сменились заинтересованностью, продолжил: – Сегодня у

нас намечается саммит. Переговоры на тему… Нет, вот этого тебе знать не следует. На важную тему.

– У вас? Саммит? Из первых рук? – непонимающе вразнобой переспросила Залесская.

– У нас, у нас, – улыбнулся старик. – Сегодня я в очередной раз имею честь принимать у себя первых лиц России, США, Китая, Эмиратов. Да ещё председатель Евросоюза должен быть, ну и всякая шушера, типа нового главы МВФ, соизволила пожаловать.

– Я не понимаю… – выдохнула Софья, потрясённая услышанным.

Женщина точно знала, что если стоящий перед ней мужчина что-то говорит, значит, так оно и есть. Но поверить в подобное было чрезвычайно сложно. Да и по телевизору про встречи такого уровня трубили загодя, и тут такое! Залесская даже не старалась вспомнить, слышала ли она что-нибудь о прилёте в Москву каких-нибудь мировых лидеров, а просто ухватилась за единственную протянутую ей соломинку в надежде хоть что-нибудь узнать о судьбе своего сына.

– Когда они приедут? – женщина вскочила со своего места.

– Собственно уже. Должны быть здесь, – ответил Егор Степанович, бросив быстрый взгляд на свои командирские часы. – Прибыли на метро, Танюша ушла их встречать.

– Тут есть метро?! – потрясённая Софья перевела взгляд с старика на подругу. – Алина, ты мне не говорила…

– Я много чего тебе не говорила. Да ты и слушать об этом не хотела, – пожала плечиками эльфа, продолжая уничтожать запас винограда.

– А меня туда пропустят? – Софья вновь повернулась к мужчине.

– Ты вольна ходить здесь где угодно, – грустно улыбнулся Егор Степанович. – Я всегда говорил, что это и твой дом. Тебя проводят.

– Стоп! А кто представляет Россию? Неужели «Сам»? Он будет один? – Дождавшись отрицательного ответа, как-то жалобно попросила подругу: – Алина, идём со мной…

Удобно устроившаяся в кресле златовласка даже не шелохнулась.

– Софья, ну что ты как маленькая! Эфа тебя не съест. Она всегда к тебе хорошо относилась. Это ты…

– Тариэнь!!!

– Ой, всё! Иду, иду! Раз уж ты вспомнила моё настоящее имя. Но я считаю…

– Та-а-рр-иии!!

– Молчу, молчу! Пойдём, горе ты моё! – ухватив Залесскую за руку, Алина задорно подмигнула старику, и женщины стремительно скрылись за дверью.

На минус третьем этаже особняка действительно располагалась самая настоящая станция метро. Пусть не столь монументальная, как столичные, она являла собой интересный образец переосмысления классической советской архитек-

туры а-ля «сталинский ампир». С мрамором, статуями, мозаиками, лепниной и золочением, в то же время в некоторых элементах просматривался совершенно чужой, особый и запоминающийся стиль. Рубленые углы, нехарактерные геометрические орнаменты, а также странные пропорции низкорослых человеческих фигур, изображённых то здесь, то там наравне с рабочими, фермерами и суровыми «вежливыми людьми».

Именно об одной из таких скульптурных групп рассказывала только что прибывшим гостям Татьяна Эсперская, когда женщины, спустившись в просторном круглом лифте, вышли на перрон. Для Софьи не было сюрпризом встретить здесь дочь своей лучшей подруги. Она прекрасно знала, что пассия её старшего сына не просто имеет свой бизнес, а что он тесно связан с делами Егора Семёновича, и она часто бывает в его особняке. Однако видеть её в роли гида для первых лиц различных государств оказалось для Залесской некоторым шоком. Старик, конечно, упоминал про какую-то «Танюшу», но в России Татьян тьма-тьмущая и кто бы знал, что это окажется та самая.

– Как вы видите, антураж станции выполнен в эклектическом смешении классического оформления первых станций Московского метрополитена и стилистических течений, принесённых мастерами из другого мира. А если быть точным – дворфийской национальной «Кала-А-Рам». Древней утерянной культуры, ныне возрождаемой дворфийским на-

родом в подгорьях нашего герцогства.

– Простите. Госпожа Эсперская, – внимательно выслушав одного из гостей, явно представителя Саудовской Аравии, спросил переводчик, когда девушка сделала небольшую пазу. – Его королевское высочество принц спрашивает, по какой причине на некоторых статуях русских воинов надето такое странное обмундирование. Вот, например, на этом. На нём же перевязь и меч, а все эти застёжки и заклёпки, да и форма, совершенно не соответствуют реальному снаряжению. В отличие от вот этого. Он же изображает крымского «Green man»?

– Совершенно верно. Дело в том, что мастер-скульптор Айвен Фистерсон, изготовивший все эти великолепные скульптуры, дворф. Так что частично здесь изображены военнослужащие ВС России, некоторые статуи представляют изображения воинов Чёрного Герцогства. Но есть и такие, что были созданы под влиянием вдохновения и не имеют реальных аналогов.

– Принц благодарит вас!

Татьяна коротко, но вежливо поклонилась и продолжила:

– Помещение выполнено по проекту архитектора Виктора Першина и мастер-зодчего Бирина Гронсона, а сами работы по прокладке проекта «Метро-3» были проведены Мосметростроем и артелью прокладчиков туннелей Кьорса Дульгана. Дело в том, что представители расы дворфов действительно в какой-то период времени жили под землёй. Точнее,

они строили свои города в толще скал. А наиболее почётным деянием у них было наведение тоннелей сквозь горные толщи. Попав пятнадцать лет назад к нам, дворфы были буквально очарованы московским метро, и именно от них поступило предложение провести сюда ветку. Основную массу работ также проводили они при поддержке современных спецсредств. Работы велись шесть лет и были закончены 12 января 2013 года. Специальная Шереметьевско-Серпуховская ветка Московского метрополитена, входящая в проект «Метро-3», на данный момент является самой протяжённой в мире, имеет наибольшую глубину залегания – в среднем около ста шестидесяти метров.

– Потрясающе! – прошептал кто-то.

– Tell me please. Is there on the other side, something similar to Moria? – спросила супруга китайского лидера на ломаном английском с сильным акцентом.

– Уверяю вас, есть! Но и без неё чудес будет много, – очень серьезно ответила Татьяна. – А теперь прошу проходить за сопровождающими в комнаты подготовки. Они также ответят на любые интересующие вас вопросы по поводу перехода.

Группа рассыпалась. Часть гостей направилась к лифтам, Софья с Алиной предусмотрительно отошли в сторону, пропуская телохранителей, заученно окруживших ценные тушки VIP-персон.

Через минуту на перроне осталось гораздо меньше наро-

ду.

– Госпожа Эсперская! – обратился через переводчика к Татьяне президент США, эксцентричный миллиардер со странной причёской, даже будучи выбранным главой государства, не оставил своих импозантных выходок. – Я вынужден в очередной раз выразить протест и потребовать немедленного открытия полноценного представительства Соединённых Штатов Америки на территории Королевства Серентия. Мы считаем, что условия сотрудничества должны быть у всех заинтересованных сторон. А пока только русские имеют свободный доступ к тому миру…

Американец говорил и говорил, а на лице его явственно читалось: «Я просто обязан это сказать, потому что в Сенате сидят упрямые бараны! Я прекрасно понимаю всю сюрреалистичность подобных требований! А они – нет!» При этом он постоянно косился на российского коллегу, а тот в свою очередь пытался сохранить серьёзное выражение лица.

– Конечно, господин президент! – девушка обворожительно улыбнулась. – Ваши требования, как всегда, будут переданы непосредственно Чёрному Герцогу мною лично. К сожалению, сам он не сможет принять участие в нынешнем саммите. Но там будут присутствовать Великий Канцлер и Луна, глава ковена магов. Так что у вас будет возможность обсудить некоторые вопросы возможного сотрудничества.

Удовлетворённый ответом американец, подмигнув Татьяне, в окружении свой свиты и сопровождающих проследо-

вал к лифту. На станции остались лишь Татьяна со своей подругой-секретаршей, хмурой девочкой, которую Софья часто видела в компании Эсперской, и своего старшего сына, а также президент России, с сопровождающей его женщиной, о самом существовании которой было известно очень и очень ограниченному кругу лиц.

Софья, крайне решительно настроенная узнать хоть что-нибудь о судьбе Игоря, направилась прямиком к главе государства, стреляя периодически глазами в его обворожительную спутницу.

– Господин президент! – начала она взволнованным, срывающимся голосом. – Я Софья Залесская, мать Игоря Нечаева. Вы можете сказать, что конкретно произошло вчера в Сирии и… что с моим сыном? Где он? Он погиб?

Женщина, стоявшая рядом с первым лицом Российского государства, что-то быстро шепнула ему, он кивнул и, посмотрев на взволнованно ожидавшую ответа собеседницу, ответил:

– Добрый вечер. Наслышан о вас… от Эфирии. Мне жаль, что наше знакомство состоялось при таких обстоятельствах. Но тут ничего не поделаешь. Информация по вашему сыну сейчас поступает крайне противоречивая. – Президент цепко посмотрел прямо в глаза Залесской. – Из фактов могу сообщить, что Игорь закрыл собой товарищей от гранатомётного выстрела, который неминуемо уничтожил бы всю поисково-спасательную группу. Я хотел бы вам как матери сер-

жанта Нечаева выразить особую благодарность за то, что вы вырастили такого замечательного сына. За совершённый поступок он уже представлен к награде. На данный момент он числится пропавшим без вести. На месте найдены его вещи, табельное оружие и остатки личных вещей. Но хочу уточнить! Что следов крови на них не обнаружено. Точно так же, как и тела. А учитывая его происхождение, «Чёрный отдел» предположил, и я склонен с ними согласиться, что имел место спонтанный переход, спровоцированный неминуемой смертельной опасностью. Если я не ошибаюсь, именно так попал в Орхестру его отец Данил…

Бледнеющая в течение всей президентской речи Софья отступила на шаг и зашаталась. С двух сторон её подхватили Алина с Татьяной и, извинившись, потащили к лифту.

– Он… там… всё снова… – шептала обмякшая женщина, безропотно следуя за подругами и словно бы не замечая ничего вокруг. – Рабство… только не…

– Прошу простить нас за этот инцидент, – перед президентом и его спутницей склонилась в поклоне помощница Татьяны.

– Не стоит. Я прекрасно понимаю, что вы все волнуетесь за бр… Игоря. Ну, не буду вам мешать. Наверняка вы хотите пообщаться наедине, – и, подав сигнал сопровождающим, направился к выходу. – Скажите, Эрия, Егор Семёнович у себя?

– Да, господин президент.

– Тогда я загляну к нему, – кивнул мужчина и, не прощаясь, бодрым шагом зашагал в противоположную от общих лифтов сторону, туда, где располагался спецподъёмник.

Когда женщины остались вдвоём, стало понятно, что они очень похожи. И дело было не только в восточных чертах лица или длинных чёрных волосах. Нечеловеческая грация, остановившийся холодный взгляд выдавал в них родственных существ. Первой заговорила та, что моложе.

– Я приветствую вас, матушка, – склонившись в низком поклоне, выполненном со змеиной гибкостью, произнесла девушка, – добро пожаловать.

– Рада тебя видеть, Эрия, – старшая обняла выпрямившуюся дочь, – ты стала совсем взрослой. Как тебе работается с Татьяной? Справляешься? А в личной жизни есть изменения? Нашла себе партнёра для Танца Сплетения Тел?

* * *

Помещение, в которое в итоге попадали все важные гости Приокского заповедника, выглядело как ультрасовременный бассейн. То было самое сердце особняка и место, в котором располагалась так называемая «Гладь».

Конфигурация его дна была пандусной. Глубина постепенно увеличивалась от одного бортика, которого не было совсем, до другого, где она была максимальной и в результате достигала трёх метров. Все стены по периметру помеще-

ния были усеяны одинаковыми дверьми. Вели они в небольшие, шикарно обставленные комнаты, в которых можно было переодеться, оставить в особом сейфе свои вещи, принять душ, отдохнуть или заказать себе что-нибудь в номер. Здесь же располагались койки для охраны и кровати для членов делегаций, которые могли бы без проблем некоторое время жить здесь, дожидаясь, когда их подопечные не вернутся из-за Глади.

В одной из таких комнат гид-тренер, мужчина в возрасте тридцати лет, в очередной раз на чистейшем арабском языке объяснял пожилому саудовскому принцу, почему тот не может взять с собой на ту сторону его банковскую карту.

– Поймите, границу Глади переходит только живое существо, – увещевал его гид. – Все предметы, включая одежду, драгоценности и прочее, останутся здесь. К тому же там нет ни одного терминала, в котором вы могли бы снять ваши деньги.

– Хорошо. А если, допустим, мой человек совершенно случайно проглотит пять-шесть алмазов. Ну, или с полкило золота?

– Если это случайно произойдёт, то вашему человеку на той стороне будет очень плохо. Проглоченные предметы останутся здесь, на дне бассейна, а у человека, в котором они находились, некоторое время будет ощущаться острая резь, сходная с попаданием пули в ту часть тела, где находился посторонний предмет. Учёные связывают это с фантомной

болью при прохождении проглоченного предмета через ткани. Так что, к сожалению, ничего пронести на ту сторону не получится…

– Ты не торопись, подумай, – престарелый араб явно задумал какую-то хитрость, при помощи которой хотел обойти базовые условия пересечения Глади. – Давай пойдём, посмотрим на месте, что и как…

Хотя гид внутренне вздохнул, на лице его не дрогнул ни единый мускул. Новички, пересекающие Гладь, – всегда одинаковые. Каждый из них мнит себя гением, способным обмануть основные принципы межмирового прохода, словно бы забывая, что всё, что бы они ни придумали, давно уже испробовано хитроумными русскими.

Мужчины, одетые лишь в одни простыни, вышли к бортику бассейна, в окружении затянутых в строгие костюмы телохранителей.

– Вот смотри, а если…

Что хотел сказать принц, осталось загадкой. Соседняя дверь с грохотом распахнулась, и из неё вылетел обёрнутый полотенцем мужчина и с криком «Jeronimo!!!» сиганул в воду, практически в самом глубоком месте, мгновенно уйдя с головой. Как ни странно, особых брызг не было. Под водой разлилось тусклое свечение, ориентируясь на которое, в бассейн с воплями «Mister President!» посыпались сопровождавшие главу Соединённых Штатов Америки лица мужского пола.

В их числе были и бодигарды, ещё не успевшие полностью разоблачиться, готовясь к переходу сквозь Гладь, для несения своей нелёгкой службы в ином мире. Свет охватил всю поверхность, а через пару секунд, когда он угас, в воде уже никого не было, лишь плавали пара штанов, простыни и шли ко дну пистолеты охраны да куча зубных коронок, имплантов и пломб. Почти сразу же подбежали несколько молчаливых уборщиков и принялись при помощи длинных шестов с лапками собирать всё это разномастное барахло.

– Вот о чём я говорил. Стоит погрузиться с головой – вас тут же перенесёт на ту сторону. Всё, что не является частью вашего тела, останется здесь. Точнее сказать, вся органика, что находится внутри вас, – перенесётся вместе с вами. Даже паразиты, хотя они и мгновенно умрут. Не переходят лишь неорганические предметы, в том числе и проглоченные. Даже зубные коронки остаются на этой стороне, – гид кивнул на россыпь материала, способного опечалить любого уважающего себя дантиста. – Но не стоит волноваться, на той стороне дежурят лучшие маги-медики, которых только можно найти. Они оперативно восстановят любые повреждения, полученные при переходе, как вы, наверное, знаете, в стоимость вашего тура входили подобные страховые услуги.

– Да я как-то не интересовался, – задумчиво пробубнил старик. – Знаешь, дорогой, а ведь у меня был сложный перелом шейки бедра, и пришлось делать операцию, ставить протез… Получается, он тоже останется тут? А эти твои ку-

десники смогут мне его залечить?

– Несомненно. Причём помощь будет оказана вам сразу же и нашими лучшими специалистами! Ваше государство заранее предупредило нас об этой проблеме, и вашего появления на той стороне ждёт специальная группа лекарей. Не волнуйтесь, все мелочи учтены и подсчитаны. Мы рассчитываем на долгое сотрудничество между нашими странами.

Молча посмотрев на мужчину, принц тяжело вздохнул и, кивнув своим мыслям, махнул рукой сопровождающим. Из группы отделились двое, также обряженные в простыни, на манер римской тоги, но комплекция и размах плеч с головой выдавали их профессию. Бережно подхватив старика под руки, они медленно вошли с ним в воду, с каждым шагом погружаясь всё глубже и глубже. В какой-то момент, когда вода уже доставала принцу до подбородка, а вот помощникам только до груди, они просто подняли его повыше, так, чтобы их головы оказались на одном уровне.

Стоя по шею в воде, все трое синхронно нырнули. Зажмуренные глаза резанул уже знакомый свет, сейчас он был гораздо ярче и интенсивнее. Когда через пару секунд все трое вынырнули – помещение разительно изменилось.

Если то место, в котором они погрузились, можно было отнести к стилю «хай-тек», с множеством хромированных деталей, яркими цветами плитки бассейна, то теперь они в настоящих римских термах. Мрамор, гранит, ткани и барельефы, статуи обнажённых женщин и воздевших оружие во-

инов, колонны, поддерживающие потолок, – всё кричало об этом. А спешившая к мужчинам группа людей и эльфов в странных одеждах, и резанувшая тело старика боль, давали ясно понять, что переход сквозь Гладь состоялся.

Глава 3
Дорога сквозь горы

– Смотри – картинка читается так, – Гуэнь ткнул пальцем в мою карточку. – Вот это собственно ты.

– Я догадался.

– Ты одет в кирасу без шлема, что говорит о том, что человек ты военный, но не при лорде. Наёмник то бишь. Солнце, восходящее из-за холма, – обозначает, что родом ты из Серентии, но вольный, а не на государственной службе, так как смотришь на солнце, а не от него. Видишь цвет рубахи, что из-под кирасы торчит – красный. Значит, что сам ты из Алого Герцогства. Это центральные земли страны, а мы сейчас у её северо-западной границы. Здесь Оранжевое Герцогство, и знать о нём – тебе как уроженцу Красного – ничего не нужно.

– А названия-то у них есть? Или это такая дифференциация штанов? Жители Коричневого Герцогства одеваются в коричневое и портят друг другу праздники?

– Иногда я тебя просто не понимаю, Игорь, – расстроенно покачал эльф ушастой головой, – при чём здесь штаны, да и никакого коричневого, как дерь…

Он запнулся, задумался и заржал в полный голос, хлопая себя по колену.

– Ну… ну ты… – утирая одной рукой набежавшую слезу, кулаком второй Гуэнь дружески приложил меня по плечу. – Если бы у меня оставались сомнения в твоём иномировом происхождении, сейчас они бы окончательно исчезли. Это надо так… коричневый. Ой! Только не ляпни подобное в самой Серентии, а то будут проблемы.

Похоже, шутка пришлась эльфу по душе, и он ещё некоторое время ухмылялся и покачивал головой, пробуя её на зуб. Впрочем, лично я ничего особо забавного в ней не видел, более того, как-то не верилось мне, что никто и никогда не приводил подобных вполне очевидных аналогий, а потому прервал затянувшееся веселье:

– Ну? Так что там с нормальными названиями? Есть они у них или нет?

– В общем-то, нет. Понимаешь ли, какое дело. Лет триста назад, незадолго до моего рождения, распалась Великая Империя Восходов и Закатов, огромное эльфийское государство, в которое входили не только нынешняя Тримлибьет – страна детей Эльматэрацу, но и земли Королевства Серентия, Республики Умбрия и Пакта Свободных Баронств…

– Ты мне конкретику давай, – оборвал я явно пустившегося в долгий сказ Гуэня. – Я про эти ваши Америки, Нумибии и прочие Гондурасы ещё успею наслушаться. С чего это ваше Королевство косит под набор детской акварельки?

– Акваре… а, не важно. Если говорить короче, внешние недруги устроили народные волнения в вассальных зем-

лях людей, входивших в Империю, переросшие в полноценное восстание. Наши доблестные старцы жидко обделались и укрылись в Закрытой Стране – Тримлибьете, даже не попытавшись навести в государстве порядок. Отдельные земли начали объявлять о своей независимости, а Серентия так и вовсе, с подачи прикормленного монарха, объявила о своём вхождении в Островную Империю.

– Гуэнь, тебя ж за ногу! – почти прорычал я, чувствуя, что без полного курса по географии и политической истории этого мира на вопрос мне так и не ответят.

– Цвета герцогств пошли от нарукавных повязок отрядов мятежников, свергнувших предыдущую династию и прогнавших из страны островитян. Лидеры белых, пурпурных, алых, оранжевых, жёлтых, зелёных, голубых, синих, фиолетовых и чёрных, захватив власть в государстве, поделили его между собой. Восемь из них стали полноправными герцогами. Белые, как предводители, взяв титул «Солнце», сели на трон, а безземельные пурпурные получили пост Канцлера и являются второй по значимости семьёй в Королевстве.

– Тьфу ты, – сплюнул я в сердцах, проклиная эльфа, не способного односложно ответить на элементарный вопрос. – Прямо «Герои Меча и Магии» какие-то. Что? Трудно было сказать, что земли названы в честь цветов выигравших «персов»…

– Э… – эльф, похоже, слегка завис.

– И что в итоге мне с этой картой делать?

– …А? Да, собственно, ничего особенного. Носи с собой, она что-то вроде разрешающего документа на определённые виды работ. Спросят – показывай. Но только не святошам и магам. Подделка как-никак.

Тем временем телега медленно, но верно приближалась к расщелине. Монструозная корова, не чувствуя вожжей, брела, сонно переставляя ноги. Убрав карточку в один из отвисших карманов трофейного халата, я вновь по привычке стегнул химеру. Ремни рванули кольца, продетые в чувствительные «скобы», особые петельки плоти, расположенные у животного прямо за челюстным углом. Бедный гобик, не приученный к такому варварскому обращению, взревел, выпучил глазищи и припустил вперёд, отчаянно семеня коротенькими лапками.

Лес резко закончился, как и накатанная дорога. Колёса гулко застучали по крупным растрескавшимся камням, фургон закачался, а мы с эльфом запрыгали на жёсткой скамейке.

– Давай дальше я сам, – сказал эльф, забирая у меня управление мутантом и тут же притормаживая разогнавшуюся животинку.

– В любом случае твоя очередь, – ответил я, разглядывая открывшуюся мне картину.

А посмотреть было на что. Часть горы, непосредственно перед въездом в расщелину, была удалена и представляла собой огромную подкову с отвесными стенами, усеянны-

ми многочисленными башенками и бойницами, как будто вплавленными в её поверхность. Более того, всё внутреннее пространство подковы было усеяно массивными шестигранными колоннами и тумбами разной высоты, на вершинах которых стояли массивные жаровни.

Сам проход оказался метров сто в ширину, и даже отсюда, от своего въезда давил на психику, заставляя восхищаться величием существ, способных рассечь насквозь горную гряду и возвести такую вот, захватывающую дух красоту. Он казался бесконечным, угрюмым и величественным, а о его рукотворном происхождении говорили не только абсолютно отвесные, тщательно обработанные стены, покрытые какими-то уже давно не читаемыми барельефами и уходящие к самым вершинам, но и массивные шестиугольные пилоны, обрамляющие въезд.

– Впечатляет? – спросил эльф, вздёрнув уголок рта в кривоватой ухмылке. – И не подумать, что подобное могли отгрохать дикие коротышки.

– Угу. Это и есть «Катай Дайкон»? – спросил я.

– Коттай Дунсон. Не… Это всего лишь «ворота» в так и не свершившееся третье дворфийское царство. Защитный амфитеатр. Так – первая линия обороны от гноллов, живших когда-то в пустынях по эту сторону гор. Сам замок находится в центре перевала и отсюда не виден.

– Гноллов? Человекоподобных гиен? – блеснул я знаниями фэнтезийного бестиария.

– Может, и были там гиены. Не знаю. Гноллами у нас называют зверолюдей, коренных жителей этих земель. Дед, который застал закат их расы, говаривал, что странная это была порода. Частично разумная, а частично нет. Вроде как у них в одном и том же выводке могли уродиться и хозяин, и его верный пёс. А безмозглая животина, даже отдалённо не напоминающая гуманоида, вполне могла родить гения, отличающегося от нас с тобой лишь формой ушей да хвостом.

– И что с ними случилось?

– Выродились, – коротко ответил Гуэнь, а затем после секундного молчания добавил: – Вроде как дворфы к этому руку приложили. Дед рассказывал, что когда-то, когда дети Эльматэрацу только пришли в этот мир, гноллы были великой цивилизацией, да и сами они были красивы. В общем, не чета людям.

Он бросил на меня быстрый взгляд и поправился, а я в свою очередь сделал для себя очередную заметочку про довольно-таки расистские взгляды моего спутника. Впрочем, наверное, в мире, где взаимно существуют столь разные разумные виды – это неизбежно.

– …местным людям. Но потихоньку разум стал покидать гноллов. Всё чаще стали рождаться безмозглые животные, а затем с юга пришли предки людей Святой Земли и Земли Знаний и просто уничтожили их последние стаи.

– А это что за колонны? – спросил я, глядя, как эльф объезжает один из монолитов с жаровней.

– Защитные огни. Их дворфы ночью включали, чтобы отслеживать гноллов. Сами-то коротышки хоть и ютятся в подземельях, видят во тьме не лучше людей. А потом просто расстреливали со стены.

– А эта застава всё ещё действует? – спросил я, силясь разглядеть в полумраке бойниц укрывшихся там воинов.

– Не… Лех говорил, что внутренние переходы частично обвалились. Да и опасно там. В защитный амфитеатр ведёт многокилометровый ход. Узкий лаз с низким потолком в толще камня. И никак по-другому в этот комплекс не попасть.

– Странно, – нахмурился я, отметив заодно вполне нормальное польское имя. – Укрепление-то будь здоров!

– А ничего странного, – Гуэнь поправил чалму. – Начались Войны Первородства и наши показали коротышкам их место. Так что они не то что не построили своё Третье Царство, но даже город не успели заложить. А ни эльфам, ни людям в не сдалось докапывать за ними пещеры. Какой там жить-то будет, при местных-то землетрясениях? Мы перестроили Коттай Дунсон и на этом успокоились. Этот замок как пробка – прекрасно защищает земли Серентии от наших северо-западных соседей.

Мы въехали в пролом. Стены тянулись и тянулись, оставляя над головой узкую, порой не толще нити полосу чистого неба. Здесь было холодно и довольно сыро. Прямую как стрела щель продувал сильный ветер, наплевать на который было

разве что гобику, и восхищение творением древних подгорных мастеров быстро сошло на нет.

Укрывшись в фургоне и правя мутантом сквозь особый клапан, Гуэнь продолжал наставления. Я думал о своём, нежно поглаживая пальцем обернувшуюся вокруг моей шеи Юну. Эльф рассказывал об этом мире, об устройстве местных государств, о быте и нравах. Я привычно слушал вполуха, выхватывая только самое важное и пропуская различную «Санта-Барбару» о взаимоотношениях человеческих рыцарей, королей, вельмож и убийц, почивших лет сто назад.

Солнце, мигнув единожды своим белым глазом высоко над нашими головами и на короткое время залив лучами полумрак прохода, покатилось к закату. Двигались мы медленно, поднимаясь по пандусу с небольшим уклоном, телега медленно покачивалась, и я, привалившись к борту, как-то сам не заметил, как задремал.

Хорошо, что не заснул. Почувствовал лёгкое касание к шее, сдавленный писк и слабое трепыхание. Разбираться в том: «Что собственно происходит?» необходимости не было. Считая, что я заснул, и не имея возможности разобраться со мной лично, контрабандист нацелился на мою змейку. Что именно он хотел с ней сделать – я не знал, хотя подозревал, что убивать он её не намерен.

Пройдоха несравнимо лучше меня знал особенности, а главное, возможности маленькой ламии, или как её там. Скорее всего, в его арсенале были способы не просто вернуть

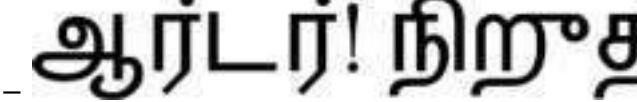
утраченную по моей вине собственность, но и снять с себя «Печать Обещаний» – кажется, так он называл то, что сделала с ним Юна. Вообще, данная штуковина должна была быть двусторонней, но мелкая укусила только его, а потому все наши договорённости играли в одни ворота.

Резко раскрыв глаза и выбросив вверх руки, я поймал правой запястье, а левой локоть склонившегося надо мной Гуэня. Почти одновременно крутанулся тазом, нанося подсечку и вместе с тем сильный удар под рёбра эльфа, роняя его на дно телеги и вместе с тем выводя на классический залом руки. И вот в этот момент ушастый на примере доказал мне, что я имею дело не совсем с человеком.

Контрабандист вывернулся из моего захвата, извернув руку под каким-то немыслимым углом, хотя и зашипел от резкой боли в локтевом суставе. Я всё-таки прочувствовал предел его гибкости и понял, что заломать его простыми болевыми приёмами будет непросто и работать лучше удушающими. Врезав пяткой в область головы эльфа, я навалился на него всем телом, взяв ушастого гада в так называемый «маунт», то есть оседлав его поверх живота, одновременно нанося несколько прямых в лицо, и хотел было провести гаду удушающий, но вовремя вспомнил о имевшемся у того ноже. Хорошо ещё, что все остальные опасные «игрушки», понапиханные в многочисленные потайные кармашки добротного кожаного костюма, надетого у него под халатом, я благополучно выбросил ещё на прошлой стоянке.

Эльф успешно воспользовался моим замешательством и очередным, совершенно незнакомым мне движением сбросил меня с себя, нанеся пару довольно чувствительных ударов коленями по спине. Не расцепляясь, так как я совершенно не желал терять контакт с противником, мы покатились по днищу кузова. Я пытался вернуть утраченное преимущество, он толкался и брыкался, борясь в довольно эффективной, но явно не человеческой технике. Через несколько секунд подобной возни и обмена ударами мы оказались у заднего края телеги и дружно вывалились из неё прямо на слегка влажный камень разлома.

После падения с высоты почти в полметра мне, волей-неволей пришлось отпустить Гуэня. Эльф, которому гравитация навредила не меньше, почувствовав свободу, тут же откатился в сторону, резким вращательным движением вскочил на ноги и, приняв боевую стойку, крикнул:

–  –

а затем осклабился, неотрывно глядя мне в глаза.

Телега, успевшая отъехать метров на двадцать от нас, скрипнув, остановилась. Я тоже приготовился к продолжению драки, исподлобья рассматривая зубоскалящего ушастого. Он застыл в некой, неудобной, на мой взгляд, низкой стойке с широко расставленными руками, и отдалённо напоминающей то ли Северный Шаолинь, то ли ещё какую-то из

подобных экзотических боевых систем.

Было в его позе нечто неощутимо знакомое. Вот только я никак не мог вспомнить, где я мог видеть подобные движения. Гуэнь тем временем как-то погрустнел, расслабился, сбросив руки вниз, выпрямился и тут же поднял их в примирительном жесте.

– Прости, Игорь. Гаэн-дун попутал! – он расстроенно покачал головой и сплюнул кровавый сгусток. – Клянусь, больше подобного не повторится. Если хочешь – можешь просто избить меня.

– Обойдусь, – процедил я в ответ. – Юна, ты как? Цела? Он тебе голову случаем не открутил? – проигнорировав эльфа, спросил я свою змейку.

– Да! – пискнула та, слегка подвигавшись. – Я в порядке.

– Повезло тебе, ухатый, – без улыбки и ёрничества сообщил я Гуэню, и, похоже, было в моём голосе что-то такое, от чего эльф спал с лица. – На первый раз прощаю, но при повторной попытке так просто ты не отделаешься.

– Верю, – эльф сделал пару шагов вперёд, протягивая мне руку. – Мир?

– Мир, – ответил я, однако руку жать не стал.

Постояв несколько секунд и не дождавшись ответных действий, эльф понуро направился к нашей повозке, всем своим видом показывая, насколько он сожалеет о случившемся. Я последовал за ним, тем не менее не теряя бдительности.

Гуэню я не верил ни на грош. Я не маленький мальчик,

которого могут обмануть грустные глаза, а-ля Кот-в-Сапогах, и виноватое выражение лица. Как бы мило мы ни беседовали – это разумное существо оставалось моим врагом с самой первой нашей встречи. Просто сейчас он был нужен мне, а не я ему. Я абсолютно уверен, что если бы не клятва, которая, благодаря Юне, связала его некими незримыми путами, всё уже давно решилось бы кровью, и в дальнейшее путешествие отправился бы только один из нас.

Конечно, нельзя сказать, что я прямо-таки на все сто процентов доверял этой самой магии маленькой змейки. Но и просто отмахнуться, после всего увиденного мною за последнюю пару дней – не мог. В этом, незнакомом для меня мире могло быть что угодно, и хотя мозг пытался фильтровать информацию, перестраивая её на привычный мне лад, приходилось признать, что я сейчас мало чем отличаюсь от ребёнка – практически ничего не знающего о том, что ждёт его за порогом родительского дома.

И это была первая причина, по которой мне было важно наше добровольно-принудительное сотрудничество с Гуэнем. Эльф, если бы мог, давно бы уже попытался всадить мне нож в спину, тем более в ситуации, когда мы с ним были наедине. Но он этого не делал, как бы я ни старался вызвать его на конфликт, целенаправленно подначивая и оскорбляя. Наоборот, он, как и обещал, делился со мной информацией по любому интересующему меня вопросу. Порой даже избыточной.

Второй причиной были банальные деньги. Нет – мне не застили глаза обещания несметных богатств, как, впрочем, и звон настоящего золота и серебра, которое досталось мне в качестве трофея при обыске карлика и паренька, позже прирезанных контрабандистом. Просто для того чтобы жить – нужен презренный металл. А для того чтобы жить хорошо – его должно быть много. Эту простую, в чём-то мещанскую, логику разделяла и мама, и редко, налётами, посещавший нас отец, и тётя Регина, и Алина, и тем более Ипполитушка, чтоб ему пусто было. Ну а Танюха среди моих знакомых была локомотивом меркантилизма.

И тут для меня в моей ситуации всё так же было предельно понятно. Опять-таки прекрасное сравнение с ребёнком, впервые покинувшим отчий дом, в котором его просто-напросто забыли научить тому, как и каким образом следует обеспечивать себе сытую и комфортную жизнь. Бомжевать и побираться я был не готов. Податься в разбойники тоже. Вступить в какую-нибудь армию не позволяла присяга, нарушать которую я не собирался. Податься в наёмники? Тем более что с выданной мне картой это было вполне возможно. Вот только не живут в средневековой среде представители подобной профессии ни хорошо, ни долго. Если вспомнить историю Земли, то более семидесяти процентов из них погибали даже не на поле боя, а на дуэлях с бывшими товарищами, при перераспределении трофеев.

Вот и получается – что всё, что я умею, это «воевать».

Но ни одна из подобных ролей в чужом мире мне категорически не подходит. А потому мне и нужен был Гуэнь с его артефактами, которые, по факту, сейчас принадлежали мне. Только вот я совершенно не знал, что с ними делать, сколько они стоят и почём их можно сбыть. А главное, нужны ли они кому-нибудь, кроме ожидающего возвращения контрабандиста заказчика. Поэтому, на мой взгляд, стоило пообещать вернуть половину, чтобы обратить вторую в полноценные монеты, вместо непонятной хрени.

Перспектива – тоже та ещё. Но здесь я хотя бы примерно представляю себе, с чем мне придётся столкнуться. То есть были хотя бы призрачные перспективы на удачный исход дела и на то, что мне не придётся идти против себя или вовсе класть зубы на полку. Ведь, насколько я понял принцип действия Юниной магии, – ухатый в лепёшку расшибётся, но если хочет сохранить себе жизнь, будет вынужден выполнить свою часть договора. Хотя, конечно, у этого гада остаётся и некое пространство для манёвра, а потому мне следует оставаться настороже.

Но, если говорить честно, то в случившемся только что конфликте по большей части виноват был я сам. Всё-таки напряжение после боевого выхода, бегство от террористов по горам, потом вся эта катавасия с караваном, да и долгая, утомительная поездка хорошенько вымотали меня. Естественно, у эльфа, и так нечистого на руку, возникло желание отыграться, а то возможно и снять с себя сковывающую печать.

Так что в дальнейшем за ним нужен глаз да глаз.

Погружённый в размышления, я вновь залез в фургон и пристроился рядом со своим спутником. Гуэнь, как я успел заметить, выставил фонари, которые, как оказалось, были припрятаны в ящике под козлами, и разжёг толстые потрескивающие свечи. Их свет, отражаясь от полированных медных зеркал, освещал нам путь в быстро сгущающемся сумраке этого недостроенного подгорного царства. Покосившись на мою хмурую морду, эльф тяжело вздохнул и, не проронив ни слова, легонько тряхнул вожжи. Телега скрипнула, качнулась и пришла в движение.

Спустя ещё два часа мы наконец-то оказались возле замка Коттай Дунсон. Массивные тёмные каменные стены метров двадцать в высоту полностью перекрывали проезд от стены до стены. Перед ними почти в свете фонаря плескался выбитый в камне ров, заполненный водой, через который был переброшен откидной мост, ведущий к закрытым створкам ворот. За зубцами то и дело мелькали фигуры людей, освещаемые факелами, которые они держали в руках. Они, конечно же, давно заметили нас, но не спешили предпринимать каких-либо действий.

Тяжело вздохнув, эльф вылез из фургона и, подойдя к одной из стен, постоял там несколько секунд, а затем по пролому разлился чистый звук гонга. И почти сразу же темноту прорезали лучи белого света, залив всё пространство разлома, выдернув фургон из окружавшей его темноты и ударив

по привыкшим к темноте глазам.

– Кого там нелёгкая принесла, – эхом разлился по проезду сильный мужской голос со слегка гыкающим акцентом, почти таким же, как у того недоросля в женских тряпках.

– Лех! Это я! Гуэнь, – крикнул эльф, щурясь от яркого света.

– Ты опоздал! Мы ждали тебя вчера вечером! И где твои… – Я наконец смог разглядеть фигуру человека прямо над воротами, держащего у губ простейший рупор. – …карлы. Есть у меня большое желание помять рыло Борсону, после того что он…

– Нет больше карликов, – ответил мой спутник, забираясь на козлы. – Кончились. На нас наскочил отряд одного из приграничных шевалье. Разойтись, как видишь, не получилось. Вдвоём ушли.

– Чёртовы святоши. Борсон был не худшим из знакомых мне коротышек. Жаль безбородого. Хотя у нас тут свои проблемы, так что проезд сквозь замок закрыт.

– Да какого Гаэн-дуна! Лех, – эльф в сердцах стукнул кулаком по седушке, – вы нас хоть пустите в замок-то.

– Заезжай, не вопрос. Не тащиться же вам обратно. Готовьте карты и сборные, мы открываем ворота.

Глава 4
Замок Коттай Дунсон

Гуэнь занял положенное ему место на козлах, отобрал у меня поводья, и фургон качнулся, скрипнул и въехал на мост. Вытащив из-под сиденья уже успевшую как следует послужить мне киянку, я словно бы невзначай удобно оперся на неё. Глядя на приближающийся портал ворот, без каких бы то ни было эмоций на роже, как бы случайно наступив на ногу эльфу, чтобы гад не успел убежать, если вдруг спровоцирует заварушку.

В этот момент решалось многое. Я заранее приготовился продать свою жизнь подороже, если, конечно, все эти разговоры о магии ламий не более чем суеверия, а хитрозадый ушастик понял, что в одиночку ему со мной просто так не совладать, а потому отложил расправу до лучших времён.

От первой внезапной атаки меня в любом случае спасут мои необычные способности, о существовании которых Гуэнь просто не знал, а вот дальше… Эльф умрёт. Болезненно или нет, не знаю – как получится, но сам факт отправки своего попутчика на местный погост я мог гарантировать. А дальше… дальше уж как повезёт.

Контрабандист удивлённо посмотрел на свою стопу, перевёл взгляд на меня и, грустно улыбнувшись, покачал голо-

вой, аккуратно правя повозку в сторону медленно, со скрипом раскрывающихся ворот. Наивный. Это, наверное, какой-нибудь местный лопух мог бы проникнуться столь искренней демонстрацией сожаления о случившейся у нас перепалке, но только не дитя моего родного, донельзя циничного мира. Да ещё к тому же стойко высидевший множество психотренингов и лекций по социальной психологии, на которые периодически таскала меня непоседливая Танюха.

Так что в искренность печали Гуэня я не верил ни на грош, как и в наличие у эльфа так называемого стокгольмского синдрома. Так что его ужимки вовсе не заставляли меня расслабиться и потерять бдительность, а производили обратный эффект.

– Сто-о-ой! – раздался властный голос, когда ворота с громким стуком закрылись за нами, а мы, преодолев почти десятиметровую арку, выложенную искусно обработанными каменными блоками, выехали в небольшой каменный мешок, зажатый между внешней и намного более высокой внутренней стеной.

Даже не разбираясь в особенностях местного зодчества, можно было с уверенностью сказать, что это была древняя кладка дворфов, а внешняя стена – скорее всего, человеческим новостроем. Несмотря на нестандартное, можно сказать – подгорное расположение замка, насколько я мог видеть, особенности внешних фортификационных сооружений практически не отличались от тех, что были известны у нас

на Земле веке этак в двенадцатом-тринадцатом.

Хоть я и вырос в довольно обычной (по моим меркам) московской семье врача-гинеколога какой-то там элитной клиники и безработной домохозяйки, мой дед со стороны биологического отца был самым настоящим олигархом. Что, естественно, несмотря на недовольство мамы и к вящей радости Ипполита, не могло не сказаться на уровне нашего благосостояния.

Так вот, где-то с начала двухтысячных, под влиянием Алины, новой супруги моего папани, дед вдруг проникся искренней любовью к отечественному и международному ролевому и реконструкторскому движениям. Выкупив по каким-то там серым схемам несколько десятков гектаров земли недалеко от Шереметьево, организовал в этом месте нечто вроде научно-исторического центра «Гиперборея», рая для археологов-экспериментаторов, реконструкторов всех мастей и даже вездесущих толкинистов, которых на территорию комплекса пускали только при соблюдении ими определённых условий.

Возглавила «Гиперборею» сама Алина Нечаева, хоть и пропадала большую часть года где-то в родной Франции. Помимо научных работ и небольшого частного института, «Гиперборея» имела гигантский игровой полигон с лесами, полями, конюшней и ипподромом, деревушкой в стиле фахверг, а также рыцарское ристалище, имелся самый настоящий средневековый замок норманнского типа. Так что я

– частый гость «Гипербореи», прекрасно ориентировался в подобных укреплениях.

Сейчас мы находились в так называемом «мешке», пространстве-ловушке, причём самого что ни на есть простого типа, иногда устраиваемом с целью подрядить атакующие сквозь пробитые тараном ворота ряды противника. Хотя по сравнению с богатствами «Нечаевского замка» здесь всё было как-то бедновато. Многочисленные бойницы для стрелков в стенах, пара защитных пилонов, поворотные котлы над вратами, в которых во время осады должны были кипеть смола или масло, немногочисленные осадные машины, два скорпиона на передовой и одна баллиста. Вот и всё, что мог предложить напавшему на него войску Коттай Дунсон. К тому же, похоже, что это место использовали ещё и как задний двор, куда выкидывали весь временно не нужный хлам из внутренних помещений.

– Привет, Лех! Старина! – широко улыбнулся эльф, притормозив Гобика, и приветственно взмахнул рукой приближающимся к нам людям. – Как ты тут без меня?

Пять натуральных средневековых воинов шли к нам от приветственно распахнутых и, похоже, давно уже не закрывавшихся внутренних ворот. Четверо из них, обряженные в некое подобие бригантин с надетыми на голову стальными касками, похожими суповую тарелку были вооружены небольшими топориками и полутораметровыми копьями. Внешне они производили довольно удручающее впечат-

ление, особенно если сравнивать их со встреченными ранее воинами со Святой Земли, а осунувшиеся, бледные лица говорили о явном недостатке солнечного света.

Другие двое – те, что вышагивали перед ними, выглядели намного более представительными персонами. Первым шёл суровый мужчина с сухим лицом и длинными свисающими ниже подбородка усами, в кольчуге до колен, бармице, тряпичном табарде и кольчужных чулках, заправленных в невысокие мягкие сапоги со стальными пластинами. На поясе у него болтался прямой меч с простенькой, слегка изогнутой гардой и рукоятью строго под один хват. Если бы не ярко-оранжевая накидка с изображённым на ней то ли бобром, то ли кротом, он производил бы впечатление этакого классического брата-тамплиера века этак начала двенадцатого, когда орден рыцарей Храма был ещё беден, но уже представлял собой существенную военную силу.

Его спутник был сильно моложе. Этакий паренёк почти моего возраста с простоватым лицом деревенского увальня, однако закованный в некое подобие латных доспехов – стянутых ремнями тяжёлых кованых пластин явно кустарной ковки, более-менее облегающих фигуру и прикрывающих жизненно важные органы. Из-под них выглядывала добротная кольчуга, а на боку висело нечто замотанное в толстую серую ткань, покрытую маслянистыми разводами.

В руках люди держали нечто, которое я издалека принял за факелы, которые я видел на стенах, но в действительно-

сти это оказалось что-то наподобие электрической лампочки, вкрученной в оформленную резьбой и металлическими кольцами длинную деревянную дубинку. Во всяком случае, светящийся шарик на её широком конце никак не мог быть обычным огнём.

«Магия… – как-то отстраненно подумал я. – Обычный магический факел, какие можно встретить в некоторых компьютерных играх. Чему, собственно, тут удивляться».

– Лучше, чем при тебе, – беззлобно огрызнулся усач, подходя к упряжке и похлопав мутанта по круглому боку. – Кто там тебя с Борсоном обидел-то? Знаешь?

– Ну как не знать. Люди и краснолюды шевалье Нирра Бахат Бенерджи, – противно улыбнувшись, эльф резким, но незаметным для воинов движением высвободил свою ступню, тут же шустро и легко спрыгнув с козел, замысловато поклонился своему собеседнику и только тогда ответил на крепкое рукопожатие.

От немедленного приведения смертельного приговора в исполнение эльфа спас тоненький голосок из-под намотанной на манер шарфа бывшей чадры, под которой отныне покоилась обратившаяся в цепочку змейка.

– Юна думает, что он тебя не предаст.

– С чего это ты взяла? – одними губами переспросил я, одновременно сбрасывая излишнее напряжение мышц и ловя на себе хмурый взгляд усача.

– Я не знаю… – ответила мелкая ламия после секундного

молчания, – просто чувствую и всё. Юна просит верить Юне!

– Ну… если Юна просит… – задумчиво произнёс я, рассматривая молодого парня в доспехах, всё время косящегося на одну из двух прилепленных к стенам расщелины башен.

– Совсем озверел дурной святоша… в приграничную зону лезет, – жаловался тем временем эльф. – Они нас на Белой Петле догнали. Документы, то-сё, смотрю, а они уже моих ребят режут.

Странным был этот разговор. Контрабандист, похоже, врал напропалую и не скрывал этого, а его собеседник, демонстрируя полное недоверие к его персоне, тем не менее важно кивал при каждом слове и даже не думал задавать каких бы то ни было вопросов.

– В приграничную, значит… – сурово пробурчал усатый, когда эльф наконец заткнулся.

Видимо, из всего словесного потока Гуэня он выделил даже не самое главное или как минимум правдивое, а то, что интересовало конкретно его. Потерев большим пальцем нижнюю губу, прямо под крючковатым носом и тут же пригладив встопорщившиеся усы, «тамплиер» крякнул и пнул мыском сапога какой-то мелкий камушек.

– Ну что ж. Не зря Жако копил деньги на «Гневных Клоунов»… – мужчина бросил на меня ещё один быстрый взгляд. – Очень уж ему хотелось прижать к ногтю этого Бенерджи… да вот…

– Неужели самих «Гневных Клоунов»? – судя по всему,

Гуэнь проникся словами усача. – Наёмников Бергуча? Грозы Роулиндейла?

О каком таком боевом шапито они говорят – я, естественно, не знал. Воображение, как ни пыталось изобразить мне нечто адекватное окружающему меня фэнтезийному антуражу – постоянно рисовало мне участников телепередачи «Аншлаг» во главе с ведущей, вооружённых алюминиевыми битами, арматурой и ржавыми цепями. Маститые старички и примкнувшая к ним маргинальная «молодёжь» среднего возраста со зверскими рожами вышагивали по тёмной улице, выкрикивая в сторону жмущихся к стенам домов случайных прохожих унылые и не смешные анекдоты.

– Капитан Леанусье, – вывел меня из мрачных фантазий тяжёлый грудной голос, принадлежавший парню в латах. – Я очень сожалею о своей просьбе, многоуважаемый монсеньор, но не изволили бы вы иметь милость смочь позволить себе посвятить меня, чтобы я, недостойный, узнал…

– Бруно! Мать твою! – взорвался усач, чем сильно напугал своего спутника, который, пытаясь выговорить витиеватую фразу, даже закрыл глаза от усердия. – Не позорь меня перед людьми! Какой я тебе «монсеньор»! Да и вообще – я тебе сколько раз приказывал перестать пользоваться этим быдлячим штилем! Нормально говори: что ты хочешь? Связался с му… с аристократом на нашу голову.

– Ну… я это! Дядь Лех… – смутился и даже покраснел парень, в голосе которого тут же прорезалось что-то простое

и деревенское, – а кто такие «Гневные Кроуны»?

– Клоуны, Бруно. Клоуны! Клоуны это что-то типа шутов.

– Э…

– Мать… Скоморохов. Ты их в родном селе на ярмарке должен был видеть…

– А!! – в протяжном, как будто пришедшем из бочки звуке чувствовалось узнавание. – А чё? Дядь Жако хотел плясульки устроить? Это я люблю! Я б Маришку тогда пригласил бы…

– Уй болван… – с тяжёлым вздохом прошептал капитан Лех и провёл ладонью по своему лицу сверху вниз, дёрнув под конец самого себя за усы. – Бруно, мальчик мой. Даже если бы Жако устроил праздник, к баронессе Мари тебя не подпустили бы и на пушечный выстрел!

– А чё так! – искренне удивился парень, хлопая глазами. – У нас в деревне на танцульках даже жонка священника баба Муся со мной отплясывала. Не брезговала да, и на сеновал потом сама меня позвала!

Парень смутился сказанному и, отведя глаза, залепетал:

– Ну это… Крыша у неё на сеновале, видать, прохудилась. Вот она и… а я пока за инструментами ходил, отец Евген из ратуши вернулся. Разозлился почему-то. Сказал, что им моя помощь не нужна, и прогнал со двора. Но я не вру! Баба Муся со мной танцевала! Так принято! Это по правилам! Так почему же Маришка-то не…

– Бруно… – терпение усача, похоже, было на исходе и

только наше присутствие не позволяло ему перейти на крик, а вот сопровождающая эту парочку тройка бойцов с топориками уже откровенно ржали. – Послушай, Бруно. Сколько лет ты уже живёшь в этом замке?

– Ну… Раз… Два, три, шесть… – принялся загибать пальцы парень.

– Четыре, пять! – поправил его капитан. – Пять лет. И ты до сих пор не понял, что ты не в своей деревне?

– Но правила! – возмутился латник. – Есть же правила! Танцуют все…

– Идиот… А! Не важно, – отмахнулся от него мужчина. – В любом случае – никакого праздника Жако не планировал.

– Как это не планировал! – возмущению парня не было предела. – Так ведь скоморохи-то!

– Бруно… – почти прорычал капитан, зло глядя на подрагивающие плечи эльфа, прислонившегося лбом к круглому боку флегматичного гобика, и сам еле сдерживая рвущийся наружу смех.

В сложившейся ситуации, похоже, не веселились только мутант, Юна да я. Первому вообще было наплевать на то, что происходит вокруг него, ламия в силу своего возраста, похоже, не понимала, о чём говорят эти люди, а я как-то не привык смеяться над откровенно слабоумными. Еле сдерживая на лице суровую маску, капитан повторил:

– Бруно. «Гневные Клоуны» только притворяются скоморохами. Да, они красят свои лица белой краской – но не для

того, чтобы смешить селян, а чтобы пугать врагов. Именуя себя клоунами, они носят пёстрые одежды и бубенцы, отвлекающие их врагов. Мальчик мой – это суровые люди. Настоящие убийцы, берущиеся за любые, даже не совсем законные дела. Именно поэтому Жако хотел нанять их для рейдов на территорию Святой Земли…

– Незаконные это плохо! – стукнув себя по нагрудной пластине, прорычал парень. – Неправильно это, не по порядку…

– Знаешь, что, Бруно, – произнёс капитан.

– Что? – удивлённо спросил парень.

– Заткнись. Просто заткнись.

– Но я же не… – начал было тот.

– Каждое следующее слово будет стоить тебе пяти палок.

– Я же рыцарь! – удивлённо произнёс парень, хлопая честными, наивными глазами. – А рыцарей палками не наказывают.

– Ты не рыцарь, Бруно… – ответил ему капитан, показательно загибая пальцы. – Ты всего лишь оруженосец.

– Но…

– Сорок пять палок, мой мальчик. Ты наговорил уже на…

– Молчу! – Бруно, в рокочущем голосе которого читался испуг, быстро заткнул своими лапищами рот.

– …уже на пятьдесят палок, – улыбнулся сквозь усы капитан. – У тебя сегодня будет не самая приятная ночь. А вы чё ржете, салаги! А ну сми-и-ирно!

Рявкнув на своих совсем уже распоясавшихся подчинён-

ных, капитан вновь обратил внимание на нас. А точнее на меня.

– А что ж это вы, молодой человек, не веселитесь? – то ли с упрёком, то ли с уважением спросил усач, переводя взгляд с меня на трясущегося от беззвучного смеха Гуэня и обратно.

– У меня дома не принято смеяться над убогими, – ляпнул я первое, что пришло в голову. – Плохой вкус, знаете ли.

– О! – капитан поднял вверх указательный палец и сказал: – Народная мудрость. Откуда ты, сынок?

– Я… – ответить я не успел, так как отсмеявшийся Гуэнь перебил меня:

– Он из Руксзкхемии, – вытирая слёзы, сообщил эльф. – Баронство такое…

– Губерния, – ехидно поправил я ушастого приколиста, похоже, совершенно забывшего, что было изображено на моей карточке.

– Ну да – губэреня, почти у самого подножья Трона, – ничуть не смутился контрабандист, продолжая вешать лапшу на уши капитану. – Скажу тебе, приятель, – местные там жуткие зануды и формалисты!

– О… – Лех, похоже, удивился. – Не знал, что там кто-то окромя змееборцев живёт. Так ты его там нанял?

– Не… – Гуэнь замялся.

Издав тяжёлый вздох, поведал капитану душещипательную историю о том, что бедный, несчастный я был отбит благородным ушастиком у самого шевалье Нирра. Тот, мол,

уже, по моим словам, напал на мирный караван, тянущий возы с хвостами наг в Серентию. Меня взяли в плен, семью – злостно перебили, а сами тут же отправились на охоту на его Гуэня карликов. Но стоило только непревзойдённому воину и вообще герою среди детей Эльматэрацу вызволить меня из пут злобных приспешников потерявшего берега феодала и вооружить меня первым, что попалось под руку, как я, вдохновившись, проявил чудеса героизма.

Лех слушал, кивал и, похоже, не верил ни единому слову ухатого. Я – молчал, Юна что-то возмущённо попискивала, но слава богу, слышно это было только мне. Бруно внимал эльфу раскрыв рот, переводя восхищённый взгляд с меня на Гуэня и вновь глядя на меня искрящимися глазами.

– Ладно… я понял, – оборвал наконец пустословие контрабандиста капитан. – Карты у него нет.

– Ну почему нет? Есть! – возмутился эльф, кивнув мне головой. – Как ты, Лех, мог только…

– Давай её сюда, сынок, – не вслушиваясь более в слова балабола, усач подошёл ко мне и протянул руку. – Посмотрим, что ты и кто ты…

Вытащив из кармана метрический прямоугольник я передал его воину.

– Из-под Трона, значит… – задумчиво произнёс тот, скосив глаза на Гуэня.

– Из-под Трона, – как ни в чём не бывало кивнул эльф. – Тебя что-то смущает?

– Не-е-е, – протянул капитан, слегка отстраняясь от Бруно, который разглядывал карту через его плечо, и глядя тому прямо в глаза, произнёс: – Всё в порядке. Всё в рамках закона…

– А почему солнце? – прогудел латник, подвинувшись так, чтобы вновь видеть карточку. – Разве там не кресло должно быть?

– Не! – почти хором ответили Лех с Гуэнем.

– Ну не… так не… – покладисто согласился Бруно, затем на лице его отразилась судорожная работа мозга, после чего он сморщился, словно бы откусил лимон, и выдал, запинаясь на каждом слове, к тому же совсем не свойственным ему тоном: – Молот! Не… неблагородное оружие! Фи – деревенское быдло!

– Ладно… С вас пять серебряных за проезд и ночёвку, – звонко ткнув парня локтем по кирасе, сказал Лех.

– Дороговато что-то? – нахмурился Гуэнь, но полез в свой кошель.

Блестящие монетки сменили хозяина, и мой попутчик уже полез было на козлы, а встречающие, потеряв интерес к нашим персонам, направились к входу за вторую стену, когда капитан вдруг остановился и, повернувшись, как бы невзначай произнёс:

– Времена сейчас тяжёлые, а у нас в оружейке есть запасы, которые мы можем продать. Да и в одёжке такой не стоит в королевских городах появляться…

Произнеся это, он отвернулся и как ни в чём не бывало зашагал за своими подчинёнными.

– Не интересует… – заявил эльф, взявшись за поводья.

– Интересует – сообщил я, спрыгивая с телеги.

– Тогда следуй за мной, – не оборачиваясь приказал Лех.

Я сильно ошибался, предполагая, что Коттай Дунсон очень уж похож на «Нечаевский замок». Ворота второй стены выводили в просторный двор, в котором в этот момент было достаточно людно. Сам массив внутренних строений лишь слегка выступал из левой стены прореза квадратным основанием, из которого вырастала высокая, утопленная в стену башня. Она напоминала эркер, используемый в современной архитектуре. Только вместо широких окон на его поверхности располагались многочисленные бойницы, а в метрах в ста над основанием светился яркими огнями балкон с ажурным витражом.

Её противоположная сестра, прилипшая к другой стене пролома, не достигала земли, тёмным и мрачным силуэтом, лишь слегка освещаемым факелами, тяжёлой глыбой нависала над нашими головами. С одного из её уровней к земле тянулись паутинки верёвочных лестниц, а единственный отблеск огня то и дело мелькал среди аркады, венчавшей её верхушку.

– Сынок, иди за мной, – произнёс капитан, глядя, как эльф заворачивает гобика к широкой арке, расположенной в самом центре массивного кубического основания освещённой

башни…

– Я с вами, дядь Лех, – радостно произнёс Бруно, слегка отталкивая меня с дороги. – А куда мы идём?

– Ты остаёшься здесь! – припечатал радостного идиота капитан, грубо оттолкнув его в сторону. – Иди лучше гостя проверь, вдруг там опять Игоша озорничает!

– Ох! Игоша! – Бруно аж присел. – А у меня от бабки амулет от него есть! Только он в деревеньке Осиннуум остался. Я его там на люстру прибил!

Парень задумался а потом выдал:

– Не думал я, что Игоша и в замок проберётся! Ща сбегаю, заберу!

– Стой! Отставить в деревню бегать! – рявкнул капитан. – Просто сходи посмотри, может, и не пробрался в замок дух.

– Ла-а-адно… – как-то разочарованно произнёс парень. – Я это… пойду…

– Иди, иди… – похлопал его по плечу капитан, а когда Бруно, широко улыбаясь, скрылся за углом основного здания, нервно усмехнулся. – Ты, сынок, не смотри на меня так. Мы не звери и не для того его здесь держим, чтобы шпынять да издеваться. Бруно парень хороший, вот только на голову слабоват, зато исполнительный и добрый. А уж силушки в нём на десятерых взрослых мужиков имеется.

Капитан выжидательно посмотрел на меня, я же в свою очередь молчал, не имея ни малейшего желания лезть в чужие дела. Видимо, неверно поняв меня, мужчина продол-

жил объяснения и одновременно направился к неприметной дверке, расположенной чуть в стороне от бокового крыльца этого необычного замка, почти у уходящей в темноту каменной стены.

– Мы с Жако – бывшим владельцем этого замка и отцом баронессы Мари, когда-то давно сражались плечом к плечу с его отцом. Тот был ещё типчик, не чета сыну. Когда свалила его каменная лихорадка, единственное, что он просил нас, так это пристроить его старшего сына к воинскому делу. Я-то хотел парня солдатом сделать, сам понимаешь – куда ему выше-то, да вот приятель мой по-другому порешил. Оруженосец ему понадобился. Решил сынка старого пройдохи в люди вывести, благородным сделать.

– Стоит ли подобное рассказывать совершенно незнакомому человеку? – уже открыто намекнул я разговорившемуся усачу.

– Да что такого? – отмахнулся тот и усмехнулся. – Ты чужак, тебе и выговориться можно. Сегодня ты здесь, а завтра – ищи ветра в поле. Устал я, сынок, от этого замка. Не поверишь, как устал, вот языком иногда старику потрепать и охота, а поговорить мне здесь вроде как и не с кем. Пока Жако был – с ним хоть поговорить можно было, а сейчас…

Воин остановился и посмотрел на меня своими усталыми, почти бесцветными в свете магического фонаря глазами.

– А что с ним случилось? – спросил я.

Вместе с моим провожатым мы пересекли наискосок что-

то типа вахтёрки, прошли сквозь комнату стражи и углубились в запутанный лабиринт узких проходов с невысокими потолками. Из приоткрытых дверей доносились приглушённые голоса людей. Видимо, Лех вёл меня по коридорам, предназначенным в первую очередь для прислуги и работников замка.

– Так помер. Убили лесные бандиты. Месяца три назад. Возвращался с торгов в Риверлофиумме, денюжку для найма наёмников вёз, да так и сгинул на полпути.

– Соболезную.

– А… ерунда. Всем нам туда в конце концов дорога.

Кажется, этому человеку действительно очень хотелось с кем-нибудь поговорить. И неважно о чём. Отпирая тяжёлую, обитую сталью дверь, за которой оказалось складское помещение, заполненное стеллажами с разнообразной одеждой, он продолжал трещать про серость быта Коттай Дунсона. В то время как подозванная им женщина, лет этак за пятьдесят, выбирала одёжку под мою фигуру, он расспрашивал меня про жизнь в моём гипотетическом родном поселении, в некой губернии, расположившейся в области, которую называют «Подножие Трона».

Не имея ни малейшего представления, что это и где находится, я лепил ему осторожную полуправду о трудном фэнтезийном быте расположенных на опасном отшибе деревень, почерпнутую из кое-каких книг, фильмов и популярных ныне сериалов. Одновременно с этим я настойчиво отказывал-

ся от классических парных кальсон, одна из штанин которых была выкрашена в ярко-оранжевый, а вторая предложенная мне в тёмно-зелёный. Замковая швея настаивала, просто не понимая, как можно не влюбиться с такую красоту, я же вцепился в более-менее современные штаны из мягкой кожи и прикрывался ими от кудахтавшей толстушки словно щитом.

В конце концов та сдалась, причитая, что у современных юношей нет ни вкуса, ни стиля в одежде. Несколько серебряных монеток перекочевали в капитанский карман, и довольный Лех завёл разговор о местной политике, я же стал счастливым обладателем широченных трусов на подвязках, длинной белой рубахи, плотного кожаного дублета и штанов. В комплект к сапогам прилагался набор тряпичных обмоток, которые я под удивлённым взглядом усача использовал не как то полагалось в классическом средневековье, а на манер обычной отечественной портянки.

Уже через пару минут я был полностью готов. Непривычная одёжка оказалась довольно удобной, а уж переплатил ли я за неё или усач всё же решил не обирать лишний раз голодранца – кто его знает. В местных деньгах и их ценности я разбирался не лучше, чем свинья в апельсинах, а расспрашивать словоохотливого вояку не стал, опасаясь выставить себя ну уж полным профаном.

Ещё в одну серебряную монетку мне обошёлся крепкий ремень и небольшой кошель для денег, который предполагалось носить привязанным к поясу. Посчитав что-то в уме,

Лех полез было в свою мошну, выгребая из неё медные кругляши с чеканным изображением профиля какого-то мужика, но я остановил его, предложив на сдачу немного модернизировать мой новоприобретённый дублет, пришив спереди к его внутренней стороне довольно объёмный карман с несколькими дополнительными петлями.

Пожелание встретило лёгкое непонимание как у самого капитана, так и у замковой портнихи, однако оба списали подобные странные требования на причуды иноземца, и тётка, что-то ворча себе под нос, подхватив куртку, потащилась за шилом. Мы же с моим спутником, под медленный разговор ни о чём, направились в святая-святых замка – в арсенал.

– Вот… – проведя меня между двумя хмурыми детинами с хищно выглядящими алебардами, капитан быстро миновал многочисленные полки, заполненные разнообразным оружием, и остановился у стеллажа, на котором покоились разнообразные молоты, насаженные на длинные деревянные, а то и стальные рукояти. – Выбирай на свой вкус. Всё равно ими никто не пользуется.

– А на фига они мне? – задумчиво произнёс я, рассматривая ряды как вполне исторического ударного оружия, так и вполне фэнтезийные образцы с бойками под десять килограммов, применимые разве что для забивания свай в мягкую землю.

– Так ты ж молотобоец! – довольно ехидно отозвался капитан и протянул руку. – Покажи свою карту!

– Да смотрите сколько угодно, – ответил я, передавая пластинку Леху, и медленно двинулся вдоль любовно выставленных рядов оружия.

Вопрос: «Что взять?» оказался не из простых. Конечно, в разнообразной попаданческой литературе все «правильные» герои обзаводились разнообразными мечами. Вот только я ни разу не читал, чтобы кто-нибудь и заботился о своём вооружении. А ведь лезвие оно не из современной высоколегированной или нержавеющей стали делалось. Ржой покрывалось на раз, а весь уход за ним в книгах заключался в вытирании после боя о плащ, а то и о самого поверженного врага. Да и править его постоянно нужно…

Так что брать в руки клинок следовало только при условии, что будешь о нём непрестанно заботиться. Как о младенце. А я на такие жертвы пока что был не готов.

Топор или секиру? Да вообще-то та же песня, что и с мечами, вот только к тому же к подобному вооружению я никогда не испытывал особой любви…

Пройдя по периметру комнаты, рассматривая разнообразное, порой довольно экзотическое оружие, я вновь оказался возле криво улыбающегося Леха, поигрывающего моей карточкой.

– Ну что? Всё вернулось на круги своя? – улыбнулся он и, ловко выдернув из стойки полэкс на длинной витой рукояти, протянул мне этот боевой двуручный молот с лезвием топора задней части обуха. – Держи, хорошая вещь, да и возьму

недорого…

– Лех, я только только от одной неудобной дуры отказался, а ты мне другую суёшь… – ответил я, возвращая оружие на место. – Ты сам-то пробовал когда-нибудь с подобной орясиной бегать?

– Я нет, – усмехнулся капитан, – я же не дурак!

– Вот и я не дурак! – вернул я улыбку, и в этот момент мой взгляд остановился на нижней планке, в пазах которой уютно расположились одноручные молотки.

– Не дурак, говоришь… – задумчиво произнёс воин, рассматривая мою карту. – Да неужто?

– Вот это мне вполне подойдёт, – не особо прислушиваясь к бурчанию капитана, сказал я, подхватывая приглянувшийся мне «wahammer» – почти двухкилограммовый боевой молот с шипом на задней части обуха, вертикальным шипом и искусно выполненным металлическим топорищем.

– Уверен? – с сомнением спросил меня капитан, хмуро глядя, как я, пару раз крутанув оружие в руках, направился к сложенным в углу обычным круглым щитам. – Послушай, мальчик мой. Даже если вот эта штука… – Он потряс моей картой. – …фальшивка, навязанная тебе Гуэнем, к её советам всё равно стоит прислушиваться, – магия, хоть и ущербная, говорит, что ты…

– Послушайте, уважаемый, – перебил я своего собеседника, уже подвесив на предплечье один из щитов и прикидывая, подходит он мне или нет. – Вы вроде бы бывалый вояка.

И вы действительно верите в подобное?

– Я – нет, – устало произнёс мужчина, меланхолично вращая металлическую пластинку в руках. – Но многие верят, и хочешь ты этого или нет – но твой выбор им не понравится.

– Ну, я лично считаю, что именно мне решать, что мне носить и с чем в руках драться, – не очень вежливо ответил я, возвращая щит в стопку. – Все остальные – идут лесом. К тому же вера, Лех – вещь эфемерная и непостоянная. Работает, как говорится, до первого раза. Ну, если, конечно, религия позволяет.

– Вот в том-то и дело, что не позволяет! – крякнул старый капитан, глядя, как я с кислым лицом один за другим перебираю и отбраковываю щиты. – Парень, у вас что там, у Трона в Элора не веруют, что ль?

– В кого? – остановив свои бесцельные поиски, я с прищуром посмотрел на Леха.

Круглые щиты мне откровенно не нравились. Добротные и довольно тяжёлые, они требовали определённой привычки к ношению. Меня же на полигоне в основном гоняли со славянским каплевидным. Найденный в какой-то дикой глуши то ли отцом, то ли Алиной инструктор «дед Тарас», сгорбленный длиннобородый старичок, который собственно и вколачивал в меня своей клюкой ратное дело. Говорил он на каком-то жутком сочетании древнерусского с современным, всегда таскал с собой старенький сотовый телефон без батарейки и верил, что в нём живёт быстроногий телефоно-

вик. Забавный был дядька. В «Гиперборее» устроили настоящую двенадцатидневную тризну, когда какой-то мажор на своём спорткаре влетел в остановку, на которой он дожидался последнего троллейбуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.